

ВОЙНА ВЗГЛЯДОВ

АРТЕМ МАТВЕЕВ

18+

Артём Матвеев

Война Взглядов

<https://litres.ru/72947797>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где технологии подчинили людей и стерли свободу выбора, Лерой один из немногих, кто сумел избежать чипирования. Он становится частью Искр движения, пытающегося вернуть человечеству волю и право чувствовать. Сквозь пустоши, разрушенные города и преследование дронов он идёт к сердцу системы, где каждый выбор имеет цену. Война Взглядов история о силе человеческого решения, о близости и доверии, которые выживают даже под гнётом тотального контроля.

Артём Матвеев

Война Взглядов

Предисловие к «Войне Взглядов»

В мире, где свобода становится миражом, а воля человека растворяется под гнётом технологий, рождаются истории, что подобны искрам в ночи – хрупким, но способным разжечь пламя. «Война Взглядов» – это не просто повествование о борьбе, но и размышление о цене свободы, о том, что делает нас людьми, и о том, как далеко мы готовы зайти, чтобы защитить то, во что верим. Эта книга – путешествие в мир, где тени прошлого переплетаются с надеждами на будущее, где каждый выбор несёт в себе эхо последствий, а каждый шаг может стать последним.

Представьте себе Землю, где города, некогда кипящие жизнью, превратились в серые руины, пропитанные ядовитым воздухом и тишиной подчинения. Небо, отравленное токсинами, горит багряными полосами, а башни, чьи красные огни пульсируют, словно сердца механических стражей, следят за каждым движением. Это мир, где технологии, созданные для порядка, обернулись цепями, сковывающими разум. Микрочипы, вживлённые в сознание, гасят эмоции, подавляют волю, превращая людей в марионеток, чьи жизни

расписаны по строгому сценарию. Улицы, лишённые смеха, наполнены лишь гулом машин и шагами тех, кто забыл, что значит мечтать. Но даже в этом мире, где надежда кажется иллюзией, есть те, кто осмеливается бросить вызов системе, рискуя всем ради свободы.

Этот мир – не просто декорация. Он живёт, дышит, стонет под тяжестью контроля. Разрушенные здания, покрытые ржавчиной и пеплом, хранят следы былой жизни: обрывки старых книг, игрушки, забытые в пыли, чертежи, нарисованные дрожащей рукой. Пустоши, раскинувшиеся за городскими стенами, таят в себе опасности – от ядовитых луж до патрулей дронов, чьи сенсоры сканируют всё живое. Но в этих пустошах, среди ржавых обломков, пробиваются первые ростки нового начала, хрупкие, но упрямые, как человеческая воля. Этот мир – не только арена борьбы, но и зеркало, отражающее наши страхи и надежды, вопросы о том, что мы готовы пожертвовать ради лучшего завтра.

«Война Взглядов» исследует темы, которые волнуют человечество веками: свобода против контроля, индивидуальность против коллективного подчинения, жертва ради других и поиск смысла в мире, где всё кажется предрешённым. Это история о том, как люди, лишённые права выбора, находят в себе силы сопротивляться, как они учатся заново чувствовать, любить и верить. Это рассказ о том, как даже в самые тёмные времена находятся те, кто готов зажечь свет, пусть даже ценой собственной жизни.

Свобода в этом мире – не абстрактное понятие, а тяжёлый дар, за который приходится платить. Герои сталкиваются с выбором: подчиниться и жить в иллюзии безопасности или бороться, рискуя потерять всё. Их борьба – не только против внешнего врага, но и против внутренних сомнений, страхов и боли утрат. Каждый из них несёт свои шрамы, свои воспоминания, свои клятвы, которые либо укрепляют их, либо грозят сломать. История задаёт вопрос: что делает нас свободными? Способность выбирать свой путь или сила защищать других, даже когда надежда угасает?

Технологии, которые должны были служить человечеству, в этом мире стали его оковами. Микрочипы, подавляющие волю, – это символ утраты контроля над собственной судьбой. Но в то же время технологии становятся оружием сопротивления: самодельные устройства, блокирующие сигналы, оружие, собранное из обломков старого мира, коды, взламывающие сети врага. Эта двойственность технологий – их способность как поработать, так и освободить – проходит красной нитью через повествование, заставляя задуматься о том, как мы используем инструменты, которые создаём.

Семья и связь между людьми – ещё одна важная тема. В мире, где эмоции подавлены, а близость кажется роскошью, герои находят силу в тех, кто рядом. Их узы – не всегда кровные, но всегда искренние – становятся якорем, удерживающим их в бурях войны. Эти связи проверяются временем,

потерями и предательством, но именно они дают героям силы продолжать борьбу. История напоминает, что даже в мире, лишённом тепла, человеческое сердце способно найти свет.

«Война Взглядов» написана в духе антиутопий, где мрачные пейзажи и напряжённая атмосфера контрастируют с искрами надежды и человеческой стойкости. Стиль повествования сочетает в себе кинематографическую детализацию и эмоциональную глубину. Описания мира – от ржавых стен заброшенных заводов до багряного неба пустошей – создают ощущение погружения, словно читатель сам шагает по токсичным равнинам или прячется в тени базы повстанцев. Диалоги, резкие и живые, отражают характеры героев: их страхи, их решимость, их моменты слабости и силы.

Атмосфера истории балансирует между отчаянием и надеждой. Мрачные сцены боёв, где гул дронов и лязг металла смешиваются с криками и выстрелами, сменяются моментами тишины у костра, где герои делятся воспоминаниями и мечтами. Эта смена тонов создаёт ритм, который держит читателя в напряжении, но даёт передышку, чтобы задуматься о судьбах героев. История не боится показывать боль и потери, но в то же время подчёркивает, что даже в темноте есть место для света.

Герои «Войны Взглядов» – это не идеальные фигуры, а живые люди, чьи шрамы, как физические, так и душевные, рассказывают их историю. Они – бойцы, учёные, хакеры, вы-

жившие, каждый со своими мотивами и целями. Их объединяет стремление к свободе, но их пути расходятся в том, как её достичь. Некоторые видят спасение в борьбе, другие – в создании нового мира, третьи – в защите тех, кто рядом. Их выборы, порой мучительные, формируют не только их судьбы, но и облик мира вокруг.

Каждый герой несёт в себе частицу прошлого: воспоминания о потерянных близких, о мире, которого больше нет, о клятвах, которые они дали себе или другим. Их внутренние конфликты – борьба между долгом и личными желаниями, между страхом и решимостью – делают их близкими читателю. Они ошибаются, падают, но находят в себе силы подняться, даже когда кажется, что всё потеряно. Их истории переплетаются, создавая мозаику, где каждый кусочек важен для общей картины.

«Война Взглядов» состоит из Глав, каждая из которых – как глава в жизни героев, их мира и их борьбы. Главы, словно кадры киноленты, раскрывают новые грани истории, переплетая судьбы персонажей, события настоящего и отголоски прошлого. Повествование движется через разные временные линии и перспективы, позволяя увидеть мир глазами разных героев: от юного беглеца, скрывающегося в пустошах, до учёного, чьи амбиции изменили мир, от бойца, сражающегося за свободу, до тех, кто пытается понять, где проходит грань между благом и злом.

Эта структура позволяет читателю не только следить за

развитием сюжета, но и глубже погружаться в мир, его историю и философию. Флешбэки, разбросанные по Главам, открывают прошлое героев, их мотивации и потери, добавляя глубины их действиям в настоящем. Каждая Глава завершается на ноте, которая оставляет вопросы, подталкивая читателя к размышлениям о том, что ждёт героев дальше.

Глава 0. Рассвет Непокорности

Красно-жёлтое небо, тяжёлое, словно расплавленный металл, нависало над пустошами, отражаясь в мутных лужах, усеянных ржавыми обломками. Багряные полосы, прорезанные дымом далёких пожаров, тянулись к горизонту, где, словно игла, пронзающая небеса, возвышалась башня связи Синода. Её красные огни мигали в сумерках – будто глаза неусыпного стража, следящего за каждым движением в этом мёртвом мире.

Лерой, которого теперь звали Томни, стоял на пригорке, сжимая старый бинокль. Его жилистое тело, закалённое годами бегства, скрывалось под потрёпанной лоскутной курткой, сшитой из обрывков ткани, найденных в развалинах. Тёмные, давно нестриженные волосы падали на лоб, цепляясь за тонкий шрам над бровью. Серые глаза, усталые, но горящие решимостью, изучали башню, словно пытаясь разгадать её слабое место.

Ветер, пропитанный запахом металла, пепла и едкой химии, тербил края куртки, пробираясь под ткань. Лерой поправил её, чувствуя, как холод касается шрамов, оставлен-

ных бесчисленными стычками. На поясе висел самодельный клинок, рукоять, обмотанная изношенной кожей, тёрлась о бедро. Рядом мигал тусклым зелёным огоньком украденный у гвардейца Синода коммуникатор – его единственная связь с Искрами, группой повстанцев, ставших ему семьёй.

Но сейчас он был один. Ни друзей, ни напарников – только он, башня и пустота, раскинувшаяся на километры. Пустоши лежали безжизненные, усеянные остовами машин, ржавыми балками, обломками бетона – следами городов, погребённых под временем. Где-то вдалеке гудели дроны-ловцы, их металлические когти поблёскивали в угасающем свете, выискивая тех, кто осмелился остаться свободным.

Лерой опустил бинокль, пальцы сжали холодный металл. Мысли вихрем носились в голове: *Как всё дошло до этого? Почему мир рухнул?* Ответы скрывались в прошлом, в обрывках историй стариков, в украденных данных из архивов Синода. Глубоко вдохнув, он прогнал усталость, сосредоточившись на цели. Башня была его врагом, его судьбой. Она усиливала сигнал СИНТЕЗов – микрочипов, что вживлялись людям в сознание, подавляя волю и гася эмоции. Искры – его товарищи – были парализованы этим сигналом: их глушилки больше не справлялись. Только Лерой, единственный без СИНТЕЗа, мог противостоять этой силе. Только он мог разрушить башню и дать миру шанс.

Синод существовал так долго, что Лерой не помнил мира без него. Рассказы старших Искр звучали для него как

легенды – истории о свободе, о городах, где люди смеялись, спорили, мечтали. Когда-то Синод был всего лишь международной организацией, созданной ради спасения человечества: борьбы с войнами, голодом, климатическими катастрофами. СИНТЕЗы задумывались как инструмент помощи – микрочипы, хранящие данные, ускоряющие медпомощь, заменяющие документы.

Это должно было стать шагом в будущее, где технологии облегчают жизнь. Лерой на миг закрыл глаза, представляя улицы, наполненные голосами, смехом, светом. Мир, которого он никогда не видел.

Но добрые намерения попали в руки тех, кто жаждал власти. Синод превратился в тень сам себя. Лерой слышал о трёх лидерах – безымянных фигурах, управлявших советом из темноты. Они изменили программу СИНТЕЗов, превратив их из инструмента помощи в орудие контроля. Когда большинство населения уже носило чипы, они активировали скрытый протокол. Башни ожили, и миллионы людей стали марионетками.

Лерой сжал кулаки, чувствуя, как в груди разгорается гнев. Он помнил рассказы о первых днях после активации: крики, семьи, разорванные за одно мгновение. Люди с потухшими глазами шли в лаборатории, не сопротивляясь, а тех, кто бежал, настигали дроны. Но даже тогда появились те, кто восстал. Учёные, осознав, что создали чудовище, начали сопротивление. Они разработали глушилки – крошеч-

ные устройства, вживлявшиеся в тело и блокировавшие сигнал СИНТЕЗов.

Эти приборы стали маяками надежды. Но таких людей было слишком мало. Синод заподозрил измену, и учёным пришлось бежать. Так родилось сопротивление – Искры. Их имя стало символом той самой надежды, что тлела в сердцах.

Лерой узнал об Искрах, когда ему было восемь. Родители пожертвовали собой, чтобы он смог сбежать из Рязани, спастись от СИНТЕЗа. Их лица – подёрнутые пеленой микрочипов, но всё ещё живые, борющиеся – всплывали в его снах. Тогда он поклялся разрушить башни и вернуть свободу.

Теперь, десять лет спустя, он стал легендой. Томни – «Тень из мрака». Повстанцы шептали о нём, а Синод проклинал. Он был последним, кто не носил чипа. Его разум был чист, а воля – непреклонна.

Башня перед ним гудела низким, едва ощутимым звуком, её красные огни мигали чаще, словно предчувствуя угрозу. Ветер поднимал пыль и обломки, как будто сам мир знал: грядёт буря.

Лерой медленно двинулся вперёд, пригибаясь к земле, используя обломки как укрытие. Башня приближалась, её низкий гул отзывался в костях. С каждым шагом он ощущал давление в голове – отголосок сигнала СИНТЕЗов. Даже его свободный разум не мог полностью отгородиться от этой вибрации. Казалось, сама башня наблюдает за ним, выжидает.

Он знал, что этот звук сводил людей с ума. Искры называли его «*шёпотом Синода*» – будто башни не просто усиливали сигнал, а внушали страх тем, кто ещё способен чувствовать. Лерой стиснул зубы. Он не позволял себе бояться.

Впереди, среди ржавых плит и искорёженных опор, показалось основание башни. Ветер гнал пыль, колыхал сухую траву. Металлические панели, покрытые сетью трещин, мерцали красноватым светом. Где-то наверху с шипением прошёл дрон – тихий, как страж на молитве.

Лерой достал из внутреннего кармана дешифратор. Маленький, потёртый прибор казался ничтожным против громадины перед ним, но именно в нём заключался шанс. Он провёл пальцем по экрану, проверяя систему, – всё работало.

Он знал, что не может действовать без подготовки. У башен были охранные контуры, патрули, датчики тепла. Любое движение могло вызвать тревогу.

Лерой остановился в тени обломков и в последний раз осмотрел карту. Движение патрулей, слабые зоны сканеров, возможный путь к техническому входу. Всё просчитано.

Оставалось только решиться.

Он поднял голову. Красные огни на башне мигали ровно, будто отсчитывая время. Где-то далеко гремел гром – или, может, это отголосок работы машин.

Лерой вдохнул, задержал дыхание и на секунду закрыл глаза.

В его памяти всплыли лица – Эн, Сойки, Дока, людей, что верили в него. И голоса Искр, звучавшие из старого коммуникатора:

“Ты последняя надежда, Томни. Башня должна упасть.”

Он открыл глаза. Серые, холодные, но живые.

Пальцы сжали рукоять клинка. Металл был тёплым – словно сам ждал команды. Лерой сделал шаг вперёд, ещё один, чувствуя, как пульс отбивает ритм внутри груди.

Он не знал, доживёт ли до рассвета. Не знал, удастся ли вообще добраться до панели управления.

Но одно он знал точно: если кто-то способен начать конец этой войны – то это он.

Небо вспыхнуло багряными полосами. Башня отбрасывала длинную тень.

Лерой нырнул в неё, словно растворяясь в мраке.

Ветер усилился, поднимая пыль и пепел. Небо на востоке бледнело – первый свет рассвета пробивался сквозь рваные облака. Мир, казалось, затаил дыхание. Даже дроны, чьи огни мигали на горизонте, словно застыли в ожидании.

Лерой остановился у подножия холма. Башня поднималась над ним, как символ вечного контроля, как напоминание о том, что человек стал рабом собственных изобретений.

Она гудела, будто живое существо, дышащее ритмом тысячи подчинённых разумов.

Он сжал дешифратор в руке. Маленький, хрупкий предмет, но внутри него – шанс. Искра, из которой может разгореться пожар.

Лерой поднял взгляд. Над башней рождался новый день. Его лучи, холодные и бледные, ложились на ржавый металл, превращая его в нечто почти прекрасное.

“Даже тьма не вечна,” – подумал он.

Он опустился на одно колено, провёл ладонью по земле – сухой, потрескавшейся, но всё ещё живой.

– Если ты всё ещё дышишь, мир, – прошептал он, – значит, есть за что бороться.

Его голос растворился в ветре.

Он поднялся, убрал дешифратор в карман и проверил клинок. Один вдох. Один шаг.

Над горизонтом вспыхнуло солнце.

Тень башни дрогнула.

И Томни шагнул вперёд – в рассвет, где начинается непокорность.

Глава 1. Спасение

2058 год.

Рязань, некогда цветущий город на берегах Оки, превратилась в призрак прошлого. Разрушенные здания, покрытые ржавчиной и пеплом, тянулись к красно-жёлтому небу, отравленному токсичными выбросами. В воздухе стоял едкий запах, заставлявший горожан носить маски – если они вообще выходили из своих бетонных клетушек.

Синод, мировое объединённое правительство, правил миром с холодной жестокостью, вживляя каждому СИНТЕЗЫ – микрочипы, подавлявшие волю, гасившие эмоции и превращавшие людей в послушных марионеток. Их глаза были пусты, движения – механичны, а мысли принадлежали не им, а башням связи, возвышавшимся над городами, словно безмолвные стражи порядка.

В этом мире, где свобода стала сказкой из старых книг, восьмилетний Лерой цеплялся за остатки надежды.

Лерой – худощавый мальчик с серыми глазами, полными страха и упрямства – сидел на крыше заброшенного дома, глядя на далёкую башню Синода. Её красные огни мигали в сумерках, напоминая о завтрашнем дне – его восьмом дне рождения. Завтра за ним придут сотрудники правопорядка, чтобы вживить СИНТЕЗ.

Он знал, что его ждёт: жизнь без смеха, без друзей, без мечтаний. Он уже видел, как родители, Роберт и Марта, превратились в тени самих себя. Их лица, подёрнутые пеленой

микрочипа, редко выдавали эмоции, но Лерой помнил их слова, сказанные ещё до того, как СИНТЕЗЫ поглотили их волю:

«Мы всегда будем с тобой, Лерой, что бы ни случилось».

Он верил, что их любовь сильнее контроля Синода, – и эта вера оставалась его единственным маяком в наступающей тьме.

Комната Лероя – маленький оазис в сером мире. Полки заставлены старыми книгами, которые отец читал ему перед сном, пока мог. На столе лежала самодельная игрушка – деревянный кораблик, вырезанный Мартой в те дни, когда её глаза ещё искрились теплом.

Лунный свет пробивался сквозь разбитое окно, отбрасывая на стены, исчерченные трещинами, бледные полосы. Лерой сидел на полу, сжимая кораблик, и представлял, как станет таким же, как родители – безвольным, пустым, идущим по заранее заданному пути: учёба, работа, семья – всё под контролем башен. Эта мысль душила его, как токсичный воздух пустошей.

Он шептал себе:

– Я не хочу быть куклой. Я хочу жить.

Сердце билось всё быстрее, решимость росла, но страх не отпускал. Он решил поговорить с отцом – последняя надежда на чудо.

Лерой спустился по скрипучим ступеням в комнату Роберта. Тот сидел в старом кресле у рабочего стола, заваленного чертежами и инструментами – остатками его прошлой жизни учёного.

Роберт, мужчина лет сорока, с морщинами и лёгкой седой в коротких волосах, казался неподвижным, как статуя. Его глаза, некогда живые, теперь были пустыми, подчинёнными СИНТЕЗу. На поясе висел старый коммуникатор – потрёпанный, с треснувшим корпусом, реликвия времён, когда Роберт ещё мечтал изменить мир.

Лерой коснулся плеча отца. Голос дрожал:

– Папа, я не хочу СИНТЕЗ. Прошу, помоги мне. Я не хочу стать, как все.

Роберт медленно повернул голову. Его взгляд был холоден, но в глубине глаз мелькнула тень – боль, воспоминание, борьба. Он сжал старое кольцо на пальце, будто цепляясь за что-то давно потерянное. Лерой заметил, как дрожат его пальцы, словно отец пытается вспомнить, кто он.

– Это необходимо, Лерой, – ответил Роберт механически, голос лишён был тепла. – СИНТЕЗ приносит порядок. Мы живём без страха, без хаоса. Двери открыты, никто не ворвётся в наш дом. Это мир, которого мы все хотели.

– Но это не жизнь! – Лерой сорвался на крик, глаза наполнились слезами. – Папа, ты обещал защищать меня! Ты говорил, что никогда не дашь меня в обиду! Не дай им забрать

мою душу!

Роберт молчал. Его пальцы сильнее сжали кольцо, взгляд опустился.

Лерой, сдерживая рыдания, отступил. Он вернулся в свою комнату, сел в углу, сжимая кораблик, и смотрел на лунный свет.

Мысли кружились: *что если родители не смогут помочь? что если надежда – лишь иллюзия, созданная детским сердцем?* Он представлял, как дроны-ловцы врываются в дом, их металлические когти сверкают в свете башен.

Усталость взяла верх. Лерой заснул, свернувшись в углу, крепко прижимая к груди кораблик, словно талисман.

На рассвете тишину разрывает звонок. Два тяжёлых удара в дверь.

– Открывайте! Приказ Синода! – гремит незнакомый голос.

Роберт, дремавший у двери комнаты сына, вздрагивает. Он спал на стуле, прислонившись к стене, будто не решился уйти. Часы на стене показывают десять утра – ночь пролетела, как миг. Он поднимается, голос дрожит от напряжения:

– Сейчас откроем!

Он стучит в дверь Лероя, зовёт:

– Сынок, они здесь. Это твоё время. Так было со всеми

нами. Это неизбежно.

Лерой просыпается, сердце колотится. Он вскакивает, прижимаясь к двери.

– Папа, не отдавай меня! Ты обещал! Если ты меня любишь – не дай им это сделать!

Роберт замирает. Его рука, лежащая на коммуникаторе, дрожит, словно от невидимого сигнала. Глаза, обычно пустые, вспыхивают – будто внутри него что-то рвётся на свободу.

Он оглядывается, будто почувствовав чей-то взгляд издали – холодный, расчётливый, наблюдающий. Коммуникатор на поясе издаёт треск, мигает красным и гаснет. Роберт вздрагивает, тело сотрясает дрожь, словно невидимая сила борется с СИНТЕЗом.

Он шепчет, с трудом выдавливая слова:

– Беги, Лерой. Беги и не оглядывайся.

Лерой, ошеломлённый, смотрит на отца. Роберт сжимает его плечо – пальцы холодные, но хватка твёрдая, будто он цепляется за последние крохи воли. Его глаза полны боли и решимости – как будто на миг он снова стал самим собой.

– Они идут, – хрипит Роберт, толкая сына к разбитому окну. – Беги к пустошам. Найди тех, кто свободен.

В дверях появляется Марта. Её каштановые волосы, тронутые сединой, растрёпаны. Глаза подёрнуты пеленой СИН-

ТЕЗа, но она делает шаг вперёд.

– Подождите! Это ошибка! – кричит она, голос дрожит, словно она борется с невидимыми путами.

Она бросается к сотрудникам правопорядка, чьи чёрные униформы и металлические маски заполняют коридор. Дроны-ловцы, с когтями, блестящими в утреннем свете, хватают её – но гул двигателей внезапно сбивается, будто сигнал прерывается, даря Лерою несколько драгоценных секунд.

Он бросается к окну, сердце колотится. Оглядывается напоследок: Роберт падает на колени, сжимая голову, словно СИНТЕЗ пытается вернуть контроль. Марта вырывается, её крик тонет в гуле дронов. Коммуникатор Роберта гаснет, корпус трескается от перегрузки.

Лерой прыгает в пустоши. Слезы жгут глаза. Позади раздаются выстрелы и крики. Он бежит, растворяясь в тенях токсичных равнин, где ржавые обломки и лужи ядовитой воды обозначают границу между городом и свободой.

Сотрудники правопорядка забирают Роберта и Марту. Марта сидит в камере – её лицо неподвижно, но в глазах мелькает тень отчаяния, будто она всё ещё борется внутри. Роберта отправляют в лабораторию Синода, глубоко под одной из башен. Учёные, не понимая причин сбоя, подвергают его бесконечным проверкам. В отчётах не появляется ни одного объяснения – словно сама система прячет правду. Инструменты жужжат, сканируя мозг, но истина остаётся скры-

той – кто-то из верхушки Синода манипулировал системой, и этот кто-то не оставил следов.

Лерой – один в диком мире, где Синод правит всем. Он не знает, что заставило отца сопротивляться, но слова Роберта «*Найди тех, кто свободен*» эхом звучат в его голове. Он клянётся спасти родителей и разрушить систему, чего бы это ни стоило. Пустоши встречают его холодным ветром, но в этом ветре слышится шёпот свободы.

Он прячется среди ржавых обломков, избегая патрулей дронов, чьи красные глаза сканируют горизонт. Он не знает, куда идёт, но знает – должен выжить.

Вечером, укрывшись в заброшенной хижине, Лерой находит старую карту, спрятанную под половицей. На ней – пометки, сделанные рукой Роберта: координаты, ведущие вглубь пустошей, к месту, отмеченному словом «*Искры*». Лерой сжимает карту, чувствуя, что отец оставил ему подсказку. Он не знает, что это за место, но надежда разгорается в груди.

Он засыпает, прижимая карту к себе, под далёкий гул башен Синода.

Прошло десять лет.

Лерой вырос. В свои восемнадцать он стал тенью в мире Синода – единственным, у кого нет СИНТЕЗа в голове. Его имя стало легендой среди повстанцев, а для Синода – угрозой. Он – разыскиваемый преступник, которого не могут выследить.

В пустошах он нашёл *Искры* – группу повстанцев, отвергающих контроль. Они стали его семьёй, научив обходить системы безопасности, сражаться с солдатами Синода и добывать припасы. Лерой крадёт оружие со складов, оставляя за собой лишь слухи о «мальчике без СИНТЕЗА». Его худощавое тело закалено годами бегства, а серые глаза горят решимостью.

Он быстрее, умнее, сильнее солдат Синода – но в сердце живёт одна цель: освободить Роберта и Марту, разрушить башни и вернуть миру свободу.

Где-то в тени башен Синода человек в чёрном плаще наблюдает за пустошами через экран. Его пальцы касаются панели управления, губы шепчут:

– Ты готов, Лерой. Ты стал их надеждой. Но игра только начинается.

Глава 2. Голод

Гул башен ещё звучал в его ушах, когда Рязань осталась за спиной. Воздух здесь был густым, будто налитым свинцом, и каждый вдох жёг горло, как ржавчина. Небо – блеклое, с прожилками ядовито-жёлтого дыма – давило, словно тяжёлая крышка. Лерой брёл, не чувствуя ног. Сначала шаги были частыми, неровными – он пытался убежать от страха. Потом замедлились: страх не отставал.

Вокруг – тишина. Даже ветер будто боялся дышать. Только редкие обломки машин торчали из земли, как кости зве-

ря. Когда-то они ездили, блестели, служили людям. Теперь на их панелях спеклась пыль, и в зеркалах отражалось небо, где больше не было солнца.

Лерой не знал, сколько идёт. День и ночь потеряли смысл: свет и тьма одинаково серы. Глаза резало, губы треснули, живот сводило от голода. Он вспоминал дом – тёплый хлеб, запах масла, мамины руки – и тут же гнал воспоминание, будто это яд.

Когда тело перестало слушаться, он упал. Земля под ним была холодной, но мягкой – под слоем пыли лежала старая ткань, может, плащ или покрывало. Он завернулся в него и заснул, не замечая, как над ним медленно проплывает дрон-разведчик. Его красный глаз моргнул, остановился, потом улетел дальше.

Проснулся он от холода и глухого звона – где-то наверху падал металл. Сначала подумал, что это сон, но звук повторился. Он поднялся, опираясь на камни, и заметил рядом узкую дыру в земле – вход в подвал или тоннель. Изнутри тянуло сыростью.

Он спустился осторожно, цепляясь за выступы. Внизу было темно, пахло пылью, но воздух был чище. Потолок дрожал от гудения башен, как будто весь мир наверху пульсировал одним сердцем. Он двинулся дальше и вскоре заметил слабое свечение – неон, выжженный временем.

Там, в развалинах подземки, сидели трое. Мужчина, седой и сутулый, глядел на пламя из расплавленных свечей;

рядом – женщина в сером плаще и мальчик лет пяти, укутанный в одеяло. Увидев Лероя, женщина вскрикнула и прижала ребёнка к себе. Мужчина поднялся медленно, но взгляд у него был ясный, будто прожигающий тьму.

– Ещё один, – сказал он хрипло. – Ты откуда, мальчик?

Лерой молчал. Слова застряли в горле. Старик вздохнул и махнул рукой:

– Ладно, садись. Всё равно еды нет.

Он сел у огня. Пламя отражалось в металлических стенах, будто комната жила своим дыханием. Женщина дала ему кусок чёрствого хлеба – сухой, как пыль. Он ел медленно, чтобы не показать, как сильно хочет.

– Ты из города? – спросил старик.

Лерой кивнул.

– И сбежал?

Снова кивок.

– Хм. Значит, ещё не всех поймали, – усмехнулся тот без радости. – Им всё кажется, что контроль полон. Но у свободы другое упрямство.

Женщина взглянула на него испуганно, будто даже слово «свобода» могло привлечь беду.

– Не говори так, – прошептала она. – Они слушают.

Старик усмехнулся, постучал пальцем по виску:

– Слушают? Пусть. Мне всё равно, что они услышат от старого инженера.

Слово *инженер* зацепилось в голове Лероя.

– Ты... работал у них?

– Когда-то, – кивнул тот. – Пока не понял, что мы строим не спасение, а тюрьму.

Он замолчал. Пламя дрожало, отражая на его лице сеть шрамов.

Ночью Лерой долго не спал. Слышал, как за стеной гудят башни, будто где-то наверху сердце мира билось в замедленном ритме. Иногда проходил дрон – в потолке пробежала красная тень, и все трое замирали, затаив дыхание. Ребёнок вскрикивал во сне, женщина гладила его по волосам.

Лерой чувствовал, как в груди растёт тяжесть. Он понимал: здесь никто не живёт – все просто медленно умирают.

На третий день старик позвал его в дальний угол подземки. Там стоял разобранный генератор.

– Хочешь, покажу тебе фокус? – сказал он и улыбнулся уголком губ. – Если ты умеешь слушать машины, они иногда отвечают.

Он вытащил из кучи старый гаечный ключ, подал Лерою:

– На. Попробуй.

Лерой не понимал, что делать, но взял. Старик указал на винт:

– Поверни. Медленно. Не бойся звука.

Металл скрипнул, потом зашелестел – словно глубоко внутри кто-то вздохнул. Старик довольно кивнул.

– Видишь? Она помнит. Всё, что создано людьми, помнит нас. Просто надо уметь слушать.

Он включил генератор, и слабый свет вспыхнул в углу – лампа, выжженная временем, ожила.

– Почему ты это делаешь? – спросил Лерой.

– Чтобы помнить, – ответил старик. – Если мир можно сломать, значит, его можно и починить.

Эта фраза врезалась в память.

Прошло несколько дней. Еда кончилась. Женщина начала кашлять, потом не проснулась. Мальчик тихо сидел рядом, пока не замер вместе с ней. Старик долго смотрел на их тела, потом накрыл их плащом.

– Не плачь, – сказал он Лерою. – Слёзы – для тех, кто ещё верит, что можно вернуть.

Он сам уже еле дышал. Болезнь подтачивала его. Когда наступила очередная ночь, он позвал Лероя.

– Слушай. Ты должен идти дальше. Там, наверху, ещё есть жизнь. Я не дойду, но ты – дойдёшь. Возьми вот это.

Он протянул тот самый гаечный ключ. Металл был тяжёлым, тёплым от его ладони.

– Помни, – прошептал он. – Не бойся ржавчины. В ней хранится правда.

Через несколько часов старик умер.

Лерой сидел рядом, пока не погас огонь. Потом, собрав силы, похоронил всех троих – в углу тоннеля, под куском железа. Над их могилой поставил старую жестянку и нарисовал углём знак – круг с линией посередине. Не крест, не символ, просто метка, чтобы не забыть.

На поверхности бушевал ветер. Пыль и пепел забивали глаза. Лерой стоял у выхода из подземки, сжимая ключ в руке. Мир вокруг казался чужим, но теперь в нём было что-то, что он мог понять – механизмы, провода, ритм башен. Они дышали, как живые.

Он шёл вдоль дороги, где асфальт превратился в серое стекло. Издалека доносился низкий гул – патрульный дрон искал тепло тел. Лерой спрятался за корпусом перевёрнутой машины, затаился. Сердце билось часто, но руки не дрожали.

Когда дрон пролетел мимо, он впервые позволил себе выдохнуть.

Голод вернулся – настоящий, животный. Он нашёл на земле коробку, в ней – сухой пакет, рассыпанные крупинки. Едва не плакал от счастья. Ел, пока не заболел живот.

Вечером, спрятавшись под мостом, он достал из рюкзака ключ. Тот блестел тускло в огне.

– Если мир можно починить, – прошептал он, – я найду как.

Над ним медленно проплывал дрон, красный луч скользнул по воде. Лерой затаил дыхание, глядя на отражение света в реке. Оно дрожало, как пламя свечи.

Впервые за долгие дни он не чувствовал страха. Только голод – но теперь не телесный. Это был голод знания.

Он не знал, куда идти, но знал, зачем. Пустошь приняла его. И не отпустит.

Пустошь была безмолвна, но под её кожей жила жизнь. Её

дыхание шло из-под земли – слабое, ритмичное, как старый мотор, который ещё не понял, что мир давно кончился.

Лерой шёл к источнику звука. За обломками старой фабрики он нашёл проход вниз, заваленный сетками и кусками бетона. Ветер свистел в пустых проёмах, будто кто-то тихо звал по имени. Он не верил голосам ветра, но голод гнал дальше.

Под землёй пахло железом и гарью. Когда глаза привыкли к темноте, он увидел: на стенах – кабели, выданные из гнёзд, на полу – ящики, инструменты, и где-то в глубине слабый свет.

– Стой, – раздался голос.

Из-за стола поднялся человек. Седые волосы, борода в пыли, глаза – мутно-голубые, но внимательные. На нём – куртка с выцветшей эмблемой Синода, перекрещённая ножом.

– Я не вор, – выдохнул Лерой.

– Плохая ложь, – старик усмехнулся. – Каждый здесь вор. Даже я краду у самого времени.

Он подошёл ближе. Не угрожающе – просто наблюдая.

– Ты один?

– Да.

– Имя?

– Лерой.

– Неважно. Здесь имена быстро ржавеют.

Старик кивнул на угол:

– Там вода. Пей. Только не жадничай – фильтр старый.

Лерой подошёл к металлическому бачку, наклонился. Вода пахла пылью, но была настоящей. Он пил медленно, чувствуя, как внутри оживает что-то забытое – вкус жизни.

– Ты из города? – спросил старик.

– Из Рязани.

– Ха. – Он хмыкнул. – Значит, видел башни близко. Видал, как они «дышат».

Лерой кивнул.

– Это не дыхание, – продолжил старик. – Это циркуляция. Им нужен воздух, чтобы гнить.

Он сел за стол, достал из ящика щипцы, начал что-то паять. Пальцы дрожали, но движения были точные, как у хирурга.

– Что ты делаешь? – спросил Лерой.

– Чиню ухо. – Старик показал на старый приёмник. – Хочу, чтобы он снова слышал.

Он включил питание, устройство зашипело. Из динамика вырвался шорох – словно кто-то скребётся по стеклу. Потом – обрывки фраз, давно растворённых в эфире: "*...двадцать первый сектор... эвакуация невозможна...*"

– Это записи старого времени, – сказал старик. – Они всё ещё плавают в воздухе. Мир не умеет забывать. Он просто шумит.

Дни шли. Старик не спрашивал, откуда Лерой пришёл, и не говорил, зачем остался. Просто иногда кидал короткие

фразы:

– Возьми ключ.

– Принеси плату.

– Не бойся искры.

Он не учил напрямую. Он позволял наблюдать.

Лерой быстро понял, что всё вокруг – мёртвое тело машин. И старик был их хирургом. Он вскрывал корпуса, проверял провода, заменял сердцевины, будто пытался вернуть жизнь телам, которые уже не могли дышать.

Иногда он говорил с ними, шёпотом:

– Потерпи. Сейчас заработаешь.

Лерой слушал. В этих шорохах, звуках, щелчках он начал различать закономерность – не случайный шум, а язык.

Однажды ночью старик позвал его к выходу. Они поднялись наверх. Воздух был холодным, в небе мерцали вспышки – башни переливались, будто перегруженные.

– Видишь? – старик показал на горизонт. – Каждая башня – узел. Они питают сеть. Мы называли её *СИНТЕЗ*.

Он сказал это с такой ненавистью, будто произносил имя убийцы.

– Мы строили её для объединения данных. Чтобы города могли дышать вместе. Но потом кто-то решил, что если связать дыхание – можно управлять самим кислородом.

Он замолчал, глядя в сторону.

– Когда я понял, что наши башни начали считать людей ресурсом, было поздно. Я ушёл. Остался только этот подвал.

Он повернулся к Лерою:

– Ты спрашивал, зачем чинить старое. Потому что новое растёт на мёртвом. И если не понять, что лежит под землёй, – нас снова закопают.

Лерой слушал. Эти слова звучали как пророчество.

На следующее утро старик кашлял кровью. Лицо стало серым, губы посинели. Он сидел у стены, дрожа, но глаза всё ещё светились.

– Не подходи. – Голос был хриплым, но твёрдым. – Болезнь – не зараза. Это просто тело устало.

Он жестом подозвал Лероя.

– Возьми.

На столе лежал инструмент – тот самый ключ, ржавый, но тяжёлый.

– Мой первый. Когда я ушёл из Синода, я хотел уничтожить всё, что построил. Потом понял – разрушать легко. Сложнее – помнить, как это было создано.

Он протянул ключ.

– Держи. Смотри на него, когда захочешь сдаться. Металл ржавеет, но форма остаётся. Так и человек.

Лерой взял. Металл обжёг ладонь – не от жара, а от ощущения, что вместе с ним ему передают что-то невидимое.

– Запомни, – сказал старик. – Если мир можно сломать, значит, его можно и починить. Только не верь тем, кто гово-

рит, что знает, *как*. Никто не знает. Все мы просто пробуем.

Он замолчал, прислонился к стене.

– Иди. Не стой у смерти.

Но Лерой не ушёл.

Когда всё стихло, он закрыл старика куском ткани, как тот когда-то накрывал механизмы. Нашёл ящик, собрал инструменты, аккуратно уложил их рядом.

– Чтобы не остались одинокими, – прошептал он.

В углу подвала он выдолбил нишу и сложил туда останки. Над входом нарисовал знакомым символом – круг с линией.

Потом долго сидел у радиоприёмника. Шорох был ровным, глухим. В нём слышались обрывки фраз, непонятных слов. Но в какой-то момент послышался отчётливый звук – короткий, как вздох.

Он повернул ручку настройки.

Голос. Тихий, женский. Слов не разобрать, но это был *голос*.

Он замер.

Значит, кто-то жив. Где-то там, за гулом башен, под облаками и пеплом – есть ещё люди, говорящие слова.

Он попытался ответить, но приёмник только зашипел. Тогда он понял: слушать – ещё не значит быть услышанным.

Ночью он вышел наружу. Башни горели, как столбы пламени. Он держал в руке ключ – тот, что стал тяжёлым, как обещание.

Мир вокруг был огромен, равнодушен, но теперь Лерой

уже не чувствовал себя частью страха. Он был частью механизма. Пусть маленькой, но живой.

Голод снова свёл желудок, но он не жаловался. Этот голод был теперь другим – не по еде, а по знанию. По пониманию.

Он вспомнил слова старика: *«Мир можно починить»*.

И впервые поверил, что это – не безумие.

Шорох эфира был теперь постоянным спутником. Лерой носил с собой маленький приёмник – тот, что собрал из деталей старика. Металл дрожал в ладонях, когда он включал его по ночам.

Где-то вдалеке башни посылали свои пульсы – ровные, низкие, будто биение сердца чудовища. Между ними, среди шума и треска, иногда прорывались звуки – отголоски человеческих голосов, фразы, как обломки сторевших писем:

«...восточный сектор... не выходите на поверхность...»

«...повторяю... Искры живы...»

Он слушал, не пытаясь понять. Главное – не смысл, а *наличие звука*. Значит, кто-то ещё дышит.

Он обустроил себе убежище в старой башне связи, обрушенной наполовину. На верхних этажах зияли дыры, но внизу стены были целы. Там, среди проводов и пыли, Лерой построил маленькое жилище: несколько досок, брезент, металлический стол.

Каждый день он выходил наружу, искал обломки, провода, инструменты. Носил всё обратно.

Теперь он понимал устройство машин лучше, чем людей. Люди умирали. Машины – ломались. Их можно было починить, можно было заставить работать *иначе*.

Иногда он разбирал дронов, которые падали после грозы. Металл был острым, раны – частыми, но он не жалел себя. Учился понимать внутренности врага.

Когда в первый раз вскрыл корпус дрона и увидел сердце – крошечный кристалл с мигающим светом – ему стало страшно. Это светилось, как глаз. Он почти ожидал, что кристалл заговорит.

Он не выбросил его. Спрятал в жестяную коробку и держал рядом с ключом старика.

Оба предмета казались ему живыми: одно – человеческое, другое – чужое. И оба – память.

Однажды ночью эфир ожил. Приёмник зашипел громче, чем обычно, потом раздался отчётливый женский голос:

«...Искры... сектор РЗ... слышит кто-нибудь?... Мы ещё держимся...»

Лерой вскочил, схватил антенну. Сердце забилося так, что в ушах стало гулко. Он не знал, что делать. Просто крикнул

в пустоту:

– Я слышу!

Голос не ответил. Только треск и гул. Он снова выкрикнул:

– Я слышу тебя!

Эфир взвыл. Вдруг за окном вспыхнул красный свет – тонкий, как лезвие.

Лерой понял: его нашли.

Дрон завис перед зданием. Его визор светился, сканируя пространство. Металлический корпус отражал огонь башен. Лерой упал на пол, прижал приёмник к груди. Гул стал громче.

Он бросился к ящику с деталями, лихорадочно вспоминая слова старика: *«Не бойся искры»*.

Он открыл кристалл из старого дрона, вставил его в гнездо питания приёмника. Искра вспыхнула – слабая, синяя. Приёмник начал трещать.

Дрон снаружи повернулся к окну. Луч прошёл по полу.

Лерой схватил металлический обломок – что-то вроде пластины с острым краем – и ударил по проводам. Искра ослепила его. Свет ударил в воздух, и что-то загудело.

Дрон дёрнулся, запищал – и упал, будто подкошенный.

Воздух наполнился запахом горелого металла.

Он долго не двигался. Только смотрел на мёртвую машину, лежащую у входа.

Сначала не поверил, потом – рассмеялся. Сухо, хрипло, как человек, который впервые услышал собственный голос.

«Если мир можно сломать – значит, можно и починить», – всплыло в памяти.

Он сделал шаг к дрону. Металл был горячим. Снял панель, достал новый кристалл – чуть крупнее прежнего, но такой же живой, с внутренним светом.

В этот миг он понял: можно не просто чинить – можно менять.

Ночью он сидел у костра. Ветер гнал пепел, звёзд не было.

Перед ним лежали два кристалла: старый и новый. Один светился ровно, другой – рвано, как дыхание.

Лерой держал их над пламенем и смотрел, как огонь отражается внутри.

– Вы видите друг друга, да? – прошептал он. – Старое и новое. Как мы.

Он не знал, зачем говорит, просто не хотел, чтобы молчание снова поглотило его.

Рядом лежал гаечный ключ – потемневший, с выгравиро-

ванной надписью, которую он недавно заметил: “ЭР-09”. Возможно, имя старика.

Он провёл пальцем по буквам.

– Я почию, – сказал он. – Но по-своему.

Через несколько дней он научился собирать ловушки. Из проводов и обломков делал петли, которые реагировали на звук.

Дроны патрулировали всё чаще, и Лерой слушал их шаги, как музыку. Он научился чувствовать направление по отражению звука от стен.

Каждый вечер он настраивал приёмник, записывал голоса в маленький блок памяти.

Из них рождалась карта – карта надежды.

Иногда он слышал одну и ту же фразу, прорывающуюся сквозь шум:

«...Тень идёт с востока...»

Он не знал, о ком это. Но каждый раз, когда слышал, внутри что-то отзывалось.

Однажды в эфире появился новый звук – тяжёлый, низкий, будто шаги гиганта.

Башни на горизонте вспыхнули синхронно. Земля дрог-

нула.

Система что-то искала.

Лерой понял: дрон, которого он сбил, был не последним. Теперь Синод знал, что кто-то вмешивается в сигнал.

Он спрятал приёмник, взял ключ, кристалл и сумку с инструментами. Вышел из башни.

Пустошь встретила его тишиной, как перед бурей.

Вдалеке сверкал город – мёртвый, но всё ещё освещённый. Оттуда поднимались лучи – сканеры, ищущие тепло.

Он посмотрел туда, где когда-то был дом.

Сердце не дрогнуло.

Теперь он знал, что возвращения нет.

Только дорога вперёд – по пеплу, по ржавчине, по следам машин, которые больше не отличали человека от металла.

Он шёл, не оборачиваясь. В небе горели башни, как глаза старого зверя.

В кармане тихо светился кристалл – его первый трофей, его первый ответ миру.

И где-то в эфире, среди бесконечного шума, мелькнул голос – тихий, едва различимый, но живой:

«...Если слышишь – не сдавайся...»

Лерой остановился, поднял голову.

– Слышу, – прошептал он. – Теперь всегда буду слышать.
Он шагнул в ночь.

И пустошь, как прежде, приняла его – но уже не как ребёнок, а как часть самой себя.

Глава 3. Эхо

Воздух вибрировал. Даже когда стояла тишина – она не была настоящей.

Всё вокруг звучало: провода под землёй, ржавые трубы в руинах, камни, которые трескались под солнцем. Мир не умирал – он шептал.

Лерой уже научился различать эти шёпоты. За два года странствий по пустошам он понял: если долго слушать, можно услышать структуру в хаосе.

Шорох песка, свист ветра в проломах, далёкий ритм башен – всё складывалось в музыку.

И среди неё, как будто под кожей мира, жил эфир.

Он сидел у подножия старой башни связи. Остов её был обуглен, верхушка рухнула в землю. На стенах сохранились остатки надписей – буквы, выжженные временем: «Ретранслятор 9С».

Лерой обустроил здесь убежище. Небольшой металлический отсек, пара батарей, кусок пластика вместо крыши.

Главное – антенна, собранная из обломков кабелей, арматуры и тупа старого дрона.

Рядом стоял приёмник.

Он был собран из частей трёх разных устройств, и выглядел скорее как живой организм, чем как машина. Когда он включался, экран мигал, как глаз.

Лерой называл его просто – *Слушатель*.

Он крутил регулятор, пока не появлялся треск. Потом – тишина. Потом снова треск, как дыхание.

В этом хаосе он уже умел слышать узоры – короткие ритмы, словно сердцебиение. Иногда – целые последовательности.

Каждый сигнал он записывал в блок, рисуя частоты углём на стене.

Всё повторялось каждые двенадцать часов.

Как будто кто-то там, далеко, выдыхал – и эфир отзывался.

Днём было легче. Башни гудели громче, солнце выжигало шум. Но ночью эфир оживал.

В ту ночь Лерой услышал его снова – тот самый звук, который раньше казался сбоем.

Низкий, рваный, похожий на голос, спрятанный под километрами статики.

Он увеличил мощность.

«...Искры... если слышите... ответьте... сектор три... живы ли вы?..»

Слова тонули в шуме, но они были. Настоящие.

Он замер.

Не запись. Не фон. Не эхо ветра.

Кто-то говорил. Человеческий голос – с дрожью, с дыханием.

Сердце Лероя билось громче треска эфира.

Он схватил блокнот, переписал частоту, повторил прослушивание.

Голос повторился, но слабее. Потом исчез.

Он ждал. Десять минут. Час. Ночь.

Потом выдохнул и сказал вслух:

– Я тебя слышу.

Слушатель промолчал.

На рассвете он начал собирать передатчик.

Всё, что было под рукой – куски проводов, две батареи, усилитель, остатки от модуля дрона.

Пальцы дрожали, но не от страха, а от нетерпения. Он знал, что это опасно: передача может привлечь внимание, но молчание теперь было хуже.

Он соединил контакты. Искра пробежала между проводами.

Приёмник вздрогнул. На экране побежала строка – старый системный код, обрывок синодовской команды.

Он игнорировал. Нажал кнопку передачи.

– Здесь Лерой. Слышу вас. Повторяю, слышу. Кто вы?

Голос его звучал неестественно громко – непривычно, будто он нарушил закон тишины.

Эфир ответил шумом.

А потом – тишиной.

Он ждал несколько секунд. Потом сигнал рванулся обратно, словно мир вдохнул.

«...идти... три... внимание... Искры...»

Лерой не понял слов – то ли фраза обрезана, то ли искажена.

Он повторил вызов, но экран вспыхнул – и погас.

Снаружи небо дрогнуло.

Над руинами появились огни – ровные, красные, движущиеся по дуге.

Лерой понял раньше, чем услышал гул: дроны.

Он выключил приёмник, сбросил питание. Но было поздно.

Сигнал вышел наружу.

Он бросился к выходу, схватил сумку, прижал к груди инструмент и старый гаечный ключ.

Металлический вой усиливался – дроны снижались. Их свет резал тьму.

Первый луч прошёл по земле.

Лерой прыгнул за стену, упал в пыль. В ушах звенело.

– Чёрт... – выдохнул он.

Из неба падал дождь – редкий, но едкий. Капли шипели на коже.

Он побежал вдоль старого моста, петляя между арками. Сзади мигал свет визоров.

Он не бежал – *слышал*.

Каждое движение, каждый шаг, каждый звук.

Дроны не видели в темноте, но они слушали. Их сенсоры ловили колебания воздуха.

Он вспомнил: старик говорил – «звук может быть оружием».

Лерой нырнул под бетонную плиту, достал из рюкзака один из своих резонаторов – металлический круг с натянутыми струнами и катушкой.

Подсоединил к батарее.

В момент, когда дрон пролетел над ним, он ударил по устройству.

Раздался хриплый гул – не громкий, но глубокий, будто сама земля издала стон.

Дрон дёрнулся. Его сенсор мигнул, потом погас.

Он упал, вращаясь, и врезался в землю с глухим треском. Запах озона и сгоревшего металла ударил в нос.

Лерой подполз, открыл корпус. Внутри – пульсирующее ядро. На экране мигали строки системных данных.

Координаты.

Повторяющаяся последовательность цифр: R-3: 46°09'N 39°42'E.

Та же, что в сообщении.

Он поднял голову. В небе больше не было дронов. Только гул башен далеко на востоке.

Лерой сидел на обломке, держа в руках ядро.

Оно вибрировало, будто живое.

Координаты мелькали, гасли, появлялись снова.

Он достал карту. Старую, бумажную, из дореволюционного архива.

Сопоставил цифры.

Место – сектор под названием Лаборатория Связи 3-Омега.

Старое учреждение Синода, уничтоженное при первых зачистках.

«...Искры... сектор три... живы ли вы?..»

Он понял. Это не зов. Это *повтор*.

Как будто кто-то когда-то послал сигнал, и он остался в воздухе, в самом теле мира.

Эхо.

Но координаты – настоящие.

Значит, кто-то когда-то был там.

И, возможно, оставил что-то, что всё ещё звучит.

Ночью он вернулся в башню. Приёмник молчал.

Лерой не включал его – впервые за долгое время.

Сидел у стены, глядя в темноту.

Где-то далеко, за горизонтом, гремел гром.

Он чувствовал, что это не просто буря.

Каждый раз, когда эфир молчал, Синод что-то готовил.

Он держал в руке ядро дрона. Свет внутри гас и разгорал-

ся.

– Что вы мне показали? – прошептал он. – Где вы теперь?
Ответом был лёгкий треск, как дыхание.
Он улыбнулся.

– Ладно. Я иду.

Лерой взял карту, ключ и свой приёмник. На прощание посмотрел на башню – искорёженный силуэт на фоне мерцающего неба.

Впереди – долгий путь.

Возможно, ловушка. Возможно, ответ.

Он пошёл на восток, туда, где координаты превращались в пульсирующую линию на старом экране.

Каждый его шаг отзывался в радиоэфире тихим щелчком.

Мир снова слушал его.

И где-то там, среди помех и статики, кто-то всё ещё звал:
«...Искры... если слышите...»

Он больше не сомневался. Он слышал.

Шторм начался внезапно.

Сначала лёгкий гул в небе, потом – короткий удар света,

и пустошь ожила.

Гроза здесь не приносила дождя. Она приносила сигнал.

Над горизонтом вспыхнули башни. Их вершины мигали синхронно, будто кто-то включил сеть.

Лерой понял – это из-за него. Его импульс, отправленный ночью, не остался незамеченным.

Теперь система искала источник.

Он шёл быстро, без остановок. Под ногами скрипел металл, песок смешивался с пеплом. Воздух пах озоном – значит, где-то поблизости уже активировались дроны.

В небе, между облаками, вспыхивали тонкие линии света – сканеры. Они двигались, как глаза, ощупывающие поверхность.

Приёмник висел на груди. Он был выключен, но даже в мёртвом состоянии излучал тихое гудение – остаток сигнала.

Лерой завернул его в ткань и прижал к телу, как раненое сердце.

Первый дрон появился ближе к полудню.

Он не слышал его приближения – просто почувствовал, как земля под ногами изменила ритм.

Звук.

Не ветер, не камень – звук ровного гудения, будто воздух стал плотнее.

Он упал на колени, прижался к земле. Через мгновение тень прошла по нему, и над ним скользнул красный луч.

Лерой замер.

Луч прошёл дальше, скользя по земле, словно ощупывая мир.

Дрон был крупный, с вращающимся сенсорным куполом. Его корпус отражал небо, превращаясь в движущийся осколок света.

«Не двигайся», – повторил он себе.

Сенсор завис на месте, мигнул, потом медленно ушёл в сторону.

Лерой не шевелился ещё минуту.

Когда гул стих, поднялся и пошёл дальше, на восток, к координатам.

К вечеру дроны уже патрулировали в три ряда.

Он видел, как один из них завис над развалинами старой станции и выпускал туман – облако мелких датчиков.

Те искали тепло.

Он понял, что если останется на поверхности – конец.

Он свернул в сторону – в старый логистический туннель, ведущий под землю.

Вход был завален, но он раздвинул металлические балки, пролез внутрь.

Темнота встретила его плотной тишиной.

Он включил налобный фонарь – слабый, желтоватый.

Стены туннеля были исписаны старыми метками – чьи-то символы, стрелки, следы мела.

Где-то впереди что-то звякнуло, и по спине пробежал холод.

Он двинулся дальше, стараясь не дышать громко.

Воздух здесь был вязким, пахнул старой смолой и пылью.

Когда туннель закончился, он оказался в огромном ангаре.

Потолок провалился, сверху падал свет – бледный, как мёртвый рассвет.

Посреди зала стоял остов корабля или машины – длинный, узкий, с ржавыми панелями.

Он подошёл ближе. На корпусе – логотип Синода, почти стёртый:

"SYN-NET RELAY // DELTA CORE"

Внутри – гул.

Сначала он подумал, что это ветер. Но потом понял: машина жива.

Её внутренние узлы всё ещё питались остаточной энергией.

Он на ощупь нашёл панель, подключил свой приёмник к разъёму.

Экран мигнул.

На нём появились строки кода:

СИНТЕЗ – ПРОТОКОЛ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СЕТИ – ОБНАРУЖЕН ПОСТОРОННИЙ СИГНАЛ

Он выдернул кабель.

Поздно.

Гул усилился. Металл загудел, и воздух прорезал визг моторов.

Из верхней арки опустился дрон. Потом второй.

Они появились так, будто выросли из тьмы – гладкие, бесшумные, с множеством сенсоров.

Лерой бросился за панель. Один из дронов направил луч – он прошёл в метре, прожёл стену.

Свет был горячим, как солнце.

Он нырнул под корпус машины, достал из рюкзака резонатор, тот самый, что сбил предыдущего.

Батареи почти не осталось.

Он знал: хватит на один импульс.

Он включил устройство, прижал к полу.

Дроны двигались медленно, будто прислушиваясь.

Когда первый опустился ближе, он ударил по катушке.

Гул ударил по воздуху, по стенам, по его телу.

Уши заложило, глаза залило светом.

Один дрон закрутился, потеряв ориентацию, врезался в потолок и разлетелся.

Второй мигнул, начал искать источник.

Лерой, не дожидаясь, схватил обломок и метнул в его сенсор. Удар. Искры. Взрыв.

Он упал, прижавшись к полу.

Когда тишина вернулась, он лежал среди дыма и обломков.

Голова гудела, уши звенели.

Но он был жив.

Рядом валялся дрон – разбитый, дымящийся. Его сенсорный модуль мигал, как умирающий глаз.

Он подошёл, вытащил панель.

Внутри – тот же тип ядра, что и раньше. Только здесь данные не были зашифрованы.

На экране вспыхнула строка:

"R-3: 46°09'N 39°42'E – ОБЪЕКТ СВЯЗИ. СТАТУС: НЕАКТИВЕН."

Это были те же координаты.

Только теперь к ним добавилось слово: *"ОБЪЕКТ СВЯ-ЗИ"*.

Он замер, чувствуя, как по телу пробежал холод.

Значит, сигнал был реальным.

Лаборатория существует.

Он собрал всё, что мог – батареи, кабели, ядра.

Связал провода, сделал импровизированный щит.

В ангаре всё ещё пахло гарью, но гул утих.

Перед тем как уйти, он посмотрел на стены.

Там, среди ржавчины, кто-то когда-то оставил надпись.

Три слова, написанные углём:

"МЫ ВСЁ ЕЩЁ СЛЫШИМ."

Он провёл пальцем по буквам.

Слово *«слышим»* было стёрто, но он почувствовал под кожей дрожь.

«И я тоже», – прошептал он.

На поверхности ночь встретила его ветром и светом башен.

Сканеры прочёсывали горизонт, но он уже был далеко – среди теней, под завалом старых мостов.

Руки дрожали, дыхание рвалось, но в груди билось не только сердце – ритм, совпадающий с частотой сигнала.

Он больше не чувствовал страха.

Только пульс.

Каждый шаг отзывался внутри, как стук по барабану.

Мир слушал его.

И он – мир.

Позже, уже на привале, он достал ядро, подключил его к приёмнику.

На экране появилось короткое сообщение, видимо, автоматическое:

"СОЕДИНЕНИЕ ОБОРВАНО. ПОСЛЕДНИЙ КОНТАКТ: 2060. ПАРОЛЬ: ИСКРА."

Он усмехнулся.

– Похоже, я тебя нашёл.

Слова старика всплыли сами:

«Мир можно починить, если знать, где трещина».

Теперь он знал, где искать трещину.

На востоке, где координаты выжжены в земле, ждала Лаборатория Связи.

Он поднялся. Ветер нёс запах дождя и металла.

Где-то далеко гремел гром.

И в его приёмнике, даже выключенном, всё равно что-то звучало – слабое, едва уловимое эхо.

Не слова. Не голос. Просто чистый пульс.

Он шёл на него, не разбирая дороги.

Путь занял два дня.

Пустошь вокруг становилась тише – странная, почти мёртвая тишина, будто сам воздух не хотел дышать.

Башни на западе гасли одна за другой, и над горизонтом впервые за много месяцев появилось чистое небо – серое, без смога.

Лерой шёл на восток, сверяясь с координатами, выжженными на экране приёмника.

С каждым километром сигнал усиливался – не словами, не частотой, а ритмом.

Пульс мира бился всё громче.

Иногда ему казалось, что земля дышит.

Он почти не ел. Не спал.

Шёл по инерции, сжимая ядро дрона в ладони.

Оно было тяжёлым, тёплым, живым.

На третий день впереди показались останки комплекса.

Из земли торчали перекошенные купола, разрушенные мачты, обожжённые стены.

На одной из них виднелась надпись:

"СИН-ЛАБОРАТОРИЯ СВЯЗИ 3–ОМЕГА"

Ниже кто-то добавил краской:

"Здесь нас не слышали."

Внутри было темно и тихо.

Тишина не пустая – плотная, давящая.

Шаги отдавались эхом, которое возвращалось искажённым – словно в ответ.

На полу – обломки техники, разбитые терминалы, выцветшие папки.

Лерой шёл медленно, скользя пальцами по стенам.

Пыль и сажа смешивались в серый налёт, как шрамы старого тела.

Он включил фонарь.

Свет выхватил на стене схему – сеть линий, соединённых символом, похожим на волну.

Подпись под ней:

«Проект "Глушилка" – версия 0.9»

Рядом, в углу, стояли три металлических контейнера. Один был открыт.

Внутри – тела. Или то, что от них осталось.

Скелеты в лабораторных халатах, с проводами, впаянными прямо в позвоночник.

Лерой застыл.

На груди одного – металлическая пластина с выгравированным словом:

"Аудио-модуль В. Л."

Он не знал, что это значит, но почему-то почувствовал – важно.

Он прошёл дальше.

Центральный зал напоминал храм.

Высокий купол, обрушенный наполовину, и круглая платформа в центре, окружённая проводами.

На ней – древний пульт, заросший пылью и трещинами.

Он подошёл, провёл рукой по панели.

Под пальцами – рельефные буквы:

"Передачик • Связь • Эксперимент"

Он подключил приёмник к одному из портов.

Сначала – только тишина. Потом – треск, долгий, растянутый.

И вдруг – голос.

«...Если кто-то слышит... мы пробовали. Бог знает, мы пробовали...»

Они нашли нас раньше, чем мы смогли включить защиту...

Не уходите в эфир... он их кормит...»

Голос был женский, усталый, но не испуганный.

Слова шли рваными, будто человек говорил между взрывами.

«...если слышите – спрячьте тишину. В ней спасение...»

Потом – тишина.

Только шум ветра.

Лерой стоял, не двигаясь.

Он не мог объяснить, почему слёзы подступили к глазам.

Голос был живым. Настоящим.

Не программа. Не сигнал. *Живой человек.*

Он снова включил запись, но динамик выдал только треск.

Петля оборвалась.

На пульте лежал предмет.

Покрытый пылью, но целый – коммуникатор.

Металлический корпус, чёрный экран, пара кнопок.

На задней панели – символ, знакомый по схемам: волна и точка.

Он нажал кнопку.

Ничего.

Подключил питание от своего приёмника. Экран дрогнул.

Появились слова:

«РЕЖИМ СВЯЗИ: РУЧНОЙ»

Потом – тихое потрескивание, и тот же голос, только слабее:

«...мы ещё слышим друг друга... пока звук жив, мы живы...»

Лерой прижал устройство к уху.

Слёзы высохли, дыхание стало ровным.

– Я слышу, – шепнул он. – Я здесь.

Он провёл в лаборатории весь день, исследуя залы.

Нашёл дневники инженеров. Большинство страниц выгорели, но уцелели короткие заметки:

«Глушилка 0.9 создаёт обратный резонанс – разрушает синодовскую сеть на частоте 5.13 Гц. Эффект нестабилен.»

«Передачики Синода используют эфир как нервную систему. Если заставить воздух молчать – они слепнут.»

Он читал, не отрываясь.

Каждое слово будто оживляло внутри образы – старика, дронов, пульсирующие башни.

Всё складывалось в одну картину.

Сеть Синода – не просто машины. Это живая ткань звука.

Контроль строится на постоянном шуме.

Молчание – смерть системы.

«Спрячьте тишину...» – вспомнил он голос.

Он понял смысл.

Глушилка – не просто устройство. Это ключ к тому, чтобы вырвать тишину из лап Синода.

К вечеру он вынес часть уцелевших схем и детали.

На поверхности солнце садилось. Башни на горизонте светились тускло, будто устали.

Он сел на обломок, открыл коммуникатор.

Из динамика донёлся треск, потом тот же голос – короткая запись, фраза, что застряла в эфире:

«...Искры живы. Повторяю... Искры живы...»

Он смотрел на прибор, как на живое существо.

Потом улыбнулся.

– Может, и я жив, – сказал он тихо.

Он убрал коммуникатор в карман.

Теперь это был не просто трофей – маска, инструмент, который он позже будет использовать, чтобы скрываться от Синода.

Он понял: иногда, чтобы выжить, нужно звучать как враг.

Когда он уходил, лаборатория оставалась за спиной, медленно погружаясь в сумерки.

Ветер выл сквозь разбитые панели, и в этом звуке слышалось эхо множества голосов.

Не слова – просто шум. Но в нём было что-то человеческое.

На пороге он обернулся.

Сквозь трещины в куполе пробивался луч заката.

Он упал прямо на пульт, и на мгновение показалось, будто всё ожило.

Голос снова прошептал, очень тихо, почти неслышно:

«...Мы всё ещё слышим тебя...»

Он не ответил. Только кивнул.

Ночь застала его в пути.

Небо горело фиолетовым светом башен.

Коммуникатор на груди тихо пульсировал, как сердце.

Иногда он ловил слабые колебания – не слова, а ритм.

Мир снова дышал.

Он шёл, не разбирая дороги.

Пустошь перед ним казалась живой – вся из звука, дыхания и тишины.

И впервые за долгие годы он чувствовал, что не один.

Где-то там, среди мёртвых сетей, в самом теле Синода,

ещё звучали Искры.

И он – часть этого звука.

Глава 4. Пепел

Пустошь была серой, безжизненной и ровной, будто сама земля устала от цвета. Снег и пепел смешивались в одно целое, превращая каждый шаг в след, который тут же исчезал. Лерой шёл уже три дня, не чувствуя усталости, просто двигаясь вперёд. Воздух дрожал от глухих колебаний – башни Синода где-то на горизонте переговаривались между собой, создавая низкий, почти музыкальный фон. Он слушал его, как дыхание мира, в котором остались только машины и ветер.

Приёмник висел у него на груди, молча, но он ощущал его пульс. Иногда казалось, что устройство слышит больше, чем он сам. После лаборатории, после того голоса, что сказал «спрячьте тишину», Лерой шёл без цели. Он не искал убежищ, не искал людей. Иногда помогал тем, кто кричал, иногда просто уходил в сторону. Всё, что у него осталось, – умение слушать. Он слышал, как камни под ногами отзываются эхом, как башни посылают импульсы, как воздух звенит, когда Синод что-то ищет. Всё живое в этом мире звучало – и потому всё можно было поймать.

Дым он заметил случайно. Тонкая, дрожащая линия над горизонтом – знак движения. Он остановился и присел на холме. Внизу, в лощине, стоял караван. Несколько телег,

бронемашина, кони. Люди. Настоящие люди. Они шли медленно, будто боялись каждого шага. Лерой уже знал, что это значит: дроны рядом. Воздух стал плотным, с металлическим оттенком. Где-то за холмами прогудел сигнал – ровный, короткий, как удар сердца. Патруль.

Он не думал. Просто двинулся вниз. Шёл быстро, почти скользя по пеплу. Люди заметили его не сразу – сначала увидели дронов. Три штуки. Они спускались с запада, освещая пустошь холодным светом. Один завис над дорогой и выпустил сеть. Двое детей упали, взрослые бросились к ним. Второй дрон открыл огонь. Крики, треск, запах озона. Лерой достал из сумки глушилку – ту самую, собранную из фрагментов лаборатории. Маленький цилиндр, внутри которого вибрировала тишина. Он включил устройство.

Мир будто задержал дыхание. Гул оборвался. Свет прожекторов стал неуверенным, дроны зависли. Он двинулся ближе, шаг за шагом, чувствуя, как звук уходит из воздуха. Затем нажал кнопку второй раз, и импульс ударил сильнее – тишина стала настолько плотной, что Лерой почувствовал, как звенит кровь в ушах. Один из дронов пошёл в штопор и рухнул в песок. Второй потерял ориентацию, третий взмыл вверх и исчез. Когда тишина рассеялась, остались только хриплое дыхание и запах горелого пластика.

Люди смотрели на него настороженно. Кто-то поднимал оружие, кто-то крестился, кто-то просто стоял, не понимая, живы ли они. Женщина с ребёнком подошла первой. На лице

у неё – сажа и кровь, но глаза ясные.

– Это ты? – спросила она. – Ты – тот самый?

Он не ответил. Просто посмотрел на неё и прошёл мимо, проверяя дронов. Один ещё шевелился, он отключил его остаточное питание и достал ядро. Потом вернулся к людям. Они уже разожгли огонь. Ночь над пустошью опускалась медленно, как крышка.

У костра он сидел в стороне. Не ел, не говорил. Просто слушал. Люди рассказывали истории. Они говорили тихо, как будто боялись спугнуть свои слова.

– Говорят, он без СИНТЕЗа, – сказал мужчина с перевязанной рукой. – Ни дрон, ни башня его не видят.

– Говорят, он приходит только ночью, – добавила женщина. – Когда кто-то зовёт.

– И уходит до рассвета, – сказал старик. – Дроны ищут, но не находят.

– Его зовут Томни, – произнёс ребёнок, тихо, будто шёпотом молитву. – Это значит «тот, кто идёт во тьме».

Огонь трещал. Ветер кружил пепел. Слова висели между ними, превращаясь в музыку, которую он уже слышал прежде – ту, что мир сам себе сочиняет, когда хочет верить.

Лерой смотрел в огонь и понял: легенда уже существует. И она сильнее, чем он. Его имя шло впереди, превращаясь в песню, а он – в молчание. Они говорили о нём, не зная, что он рядом, и, возможно, именно так и должно быть.

Он встал и отошёл. Небо было низким и глухим, звёзды – как трещины в металле. Он достал приёмник. В динамике был лёгкий треск, а потом – фраза, давно застрявшая в его памяти: «мы всё ещё слышим тебя». Он улыбнулся. Может быть, этот голос теперь тоже стал легендой, как и он.

На рассвете караван ушёл. Женщина подошла, протянула флягу.

– Без тебя бы нас не было, – сказала она.

Он покачал головой.

– Без меня вы всё равно бы жили. Просто тише.

Она ничего не ответила.

Когда они исчезли за горизонтом, он ещё долго стоял, глядя им вслед. Потом увидел на снегу следы – детские и взрослые, а рядом – круг от сетки дрона, расплавленный, как ожог. Мир оставлял свои метки. Он провёл пальцем по пеплу, чувствуя, как он прилипает к коже.

Вечером он нашёл старый ангар и развёл костёр. Металл отражал свет, и стены казались живыми. Дождь барабанил

по крыше, будто кто-то стучал изнутри. Он сидел, слушая, как вода шепчет сквозь железо. В этих звуках было больше жизни, чем в словах. Лерой достал коммуникатор, включил. Голос, хриплый и старый, сказал всё ту же фразу: «Искры живы». Он усмехнулся, бросил в огонь горсть пепла. Пламя вспыхнуло, и на миг ему показалось, что из тьмы кто-то ответил. Но это был только ветер.

Он лёг, обняв приёмник. Во сне видел караван – только теперь у всех были одинаковые лица. Спокойные, без страха. Они шли по пустоши, а над ними светились башни, как звёзды. Он стоял в стороне, не видимый и не слышимый, и всё равно чувствовал: где-то внутри этого сна его имя живёт своей жизнью.

Проснулся на рассвете. Пепел лёг ровным слоем на пол, снег растаял. Воздух был чистым, влажным. Он вдохнул и почувствовал запах дождя – запах нового дня, который ничем не отличался от вчерашнего. Но внутри него что-то изменилось. Он больше не чувствовал себя спасителем. Только слушателем. Наблюдателем чужой веры.

Он поднялся, поправил плащ, надел коммуникатор. Башни на горизонте мерцали ровно, как дыхание великого зверя. Где-то далеко, за полосой света, мир продолжал говорить. А он – просто шёл. Туда, где шум был громче. Туда, где началась тьма.

И имя, которое принадлежало уже не ему, повторялось в пустоте, как пульс: Томни. Томни. Томни.

Прошло несколько недель. Мир вокруг словно выгорел окончательно, остались только обломки и ветер. Лерой шёл вдоль старого канала, где когда-то текла вода. Теперь там лежала металлическая труба, по которой шёл пустой гул – как дыхание мёртвого зверя. Он слушал его, считывая частоту. В каждом звуке он искал след живого, но находил лишь отголоски машин. Иногда ему казалось, что сам воздух стал частью сети, что Синод научился использовать даже ветер как проводник сигнала.

Он двигался осторожно. Пепел оседал на плаще, оставляя следы, как пыль времени. За спиной, в рюкзаке, лежал коммуникатор – молчаливый, холодный. С тех пор, как он услышал ту фразу о тишине, он почти не включал его. Мир и без того говорил слишком много.

Однажды утром он заметил движение. Вдали, на фоне обломков, шёл караван. Тот самый – узнаваемый силуэт бронемашины, те же фляги, те же фигуры. Сердце у него ёкнуло, будто после долгого сна. Он ускорил шаг, поднимаясь на холм, стараясь не шуметь. Они шли спокойно, медленно, но что-то было не так. Слишком ровные шаги, одинаковые движения. Словно один организм, а не группа людей.

Он окликнул – тихо, но достаточно, чтобы звук дошёл. Никто не обернулся. Только когда он подошёл ближе, один мужчина остановился и повернул голову. Его глаза были пустыми. Без фокуса. Лицо спокойное, будто он спит с открытыми глазами. Остальные тоже замерли, все разом, как кук-

лы, у которых кто-то потянул за нить. Лерой подошёл ближе и увидел на их шее одинаковые следы – тонкие металлические кольца, вживлённые под кожу. Синодовские импланты контроля.

Он узнал женщину с ребёнком. Она стояла неподвижно, лицо чистое, ни страха, ни радости. Ребёнок держал её за руку. У мальчика такие же пустые глаза. Она посмотрела прямо на Лероя, и в её взгляде не было узнавания. Только спокойствие. И вдруг она сказала ровным, почти механическим голосом:

– Ты зря стараешься. Мы дома.

От этих слов ему стало холодно. Он сделал шаг назад, но они не двигались. Никто не нападал, не кричал. Просто стояли, как тени, которые забыли, что были людьми. Мальчик тоже заговорил, тем же голосом, ровным, безжизненным:

– Нас не нужно спасать. Мы слышим Синод. Он говорит, и нам спокойно.

Лерой почувствовал, как внутри всё сжимается. Он хотел что-то сказать, но не смог. Слова не имели смысла в этом месте. Система не убивала – она просто лишала голоса. Делала мир тихим, стерильным, послушным. Он понял: то, что он спас, теперь принадлежит им.

Он отошёл, пока не скрылся за холмом. Потом упал на колени и долго сидел, глядя в землю. В голове гудел слабый,

ровный тон, как будто мир издевался над ним. Голос женщины из лаборатории всплыл в памяти – «Не уходите в эфир. Он их кормит». Он понял теперь, что имелось в виду. Сеть не просто ловила сигналы, она питалась ими. Каждый импульс, каждый акт спасения, каждая передача эмоций – всё это возвращалось к Синоду, усиливая его. Добро становилось топливом.

Он вытащил коммуникатор, включил. Экран загорелся мягким светом, но звук не шёл. Он нажал кнопку, снова и снова, пока из динамика не вырвался хрип.

– Искры... живы... – сказал голос, и Лерой выключил его. Больше он не хотел слышать обещаний. Искры живы – но где? В людях, которых уже нет? Или в этих башнях, которые всё ещё говорят от их имени?

Он поднялся, пошёл дальше. Ветер нес в лицо пыль и дождь. Башни на горизонте мигали ровно, спокойно, будто ничего не случилось. Мир продолжал жить своей механической жизнью. Он шёл и думал, что, возможно, именно в этом и есть самое страшное – в покое. Всё живое должно шуметь, спорить, дышать. А здесь – тишина. Она заразна. Она съедает смысл.

Ночью он нашёл укрытие под мостом. Там было сухо и темно. Он сел, разложил инструменты, глушилку, ядра дронов. Перед ним – сеть проводов и схем, как венозная система. Он провёл рукой по металлу. Всё казалось холодным,

бездушным. Но в каждом проводе, в каждой катушке текала сила, и её можно было повернуть вспять. Он вспоминал, как в лаборатории инженеры пытались заставить эфир замолчать. Тогда он не понял, зачем. Теперь понял.

Не спасать. Ломать источник. Не помогать тем, кого уже взяли. А ударить туда, где они слышат.

Он сидел до утра, думая. Внутри него что-то треснуло, как лёд. Это не был страх и не злость. Это было чувство необходимости. Как будто сам воздух приказал: «Пора». Он не знал, куда идти, но знал, что рядом есть пункт связи. Башня, питающая сеть на несколько километров. Он слышал её ритм каждую ночь – низкий, постоянный, как стук сердца.

Он вышел на рассвете. Мир снова был серым, но теперь серость казалась мягче. Может быть, он просто привык. Ветер бил в лицо, небо висело низко. Он шёл по направлению к башне, и с каждым шагом чувствовал, как внутри нарастает тихое, ровное пламя. Не гнев – ясность.

На месте, где он стоял, ещё оставались следы каравана. Снег замёл их наполовину, но можно было различить линии от колёс. Рядом – след ребёнка. Лерой наклонился, коснулся пальцами. Пепел смешался с влагой, оставив на коже тёмный след. Он посмотрел на него, потом стёр.

Больше не будет спасений. Не будет легенд. Будет только звук и тишина. Мир выбрал тишину, значит, нужно заставить её заговорить.

Он поднял голову и увидел на горизонте башню. Её огни

мигали ровно, почти спокойно. Он пошёл к ней.

Башня стояла на склоне, как гигантская игла, пронзающая облака. Её верх терялся в дымке, а у подножия горела лампа обслуживания – тусклая, но живая. Она мигала с одинаковым интервалом, словно отбивала пульс мира. Лерой шёл к ней долго. Дорога петляла через мёртвые поля, заросшие серым мхом, через останки станций и пустые тоннели. С каждым километром гул башни усиливался, превращаясь из далёкого ритма в реальное биение. Оно звучало в его груди, как второе сердце.

Он остановился на расстоянии, осматривая местность. Вокруг ни движения. Ни патрулей, ни дронов. Синод не ожидал нападений. Никто не нападал на башни. Люди боялись даже приближаться – говорили, что у них есть поле, которое сжигает разум. Возможно, это и было правдой, но Лерой уже не верил в страх. Он видел, что страх – просто ещё один язык Синода. И если научиться его слушать, он перестает владеть тобой.

Он достал коммуникатор. Устройство было тёплым, будто живое. На экране мерцали цифры – код доступа дрона, который он взял в предыдущем бою. Он подключил его к глушилке. На мгновение воздух вокруг завибрировал, как струна. Потом затих. Сеть приняла его за своего. На частоте башни появилась запись: "Дрон №045. Проверка связи. Статус – наблюдение."

Он усмехнулся. Сеть не различала намерений. Для неё он

просто сигнал. Силуэты и голоса – не люди, а наборы частот. Он прошёл ближе, к служебному шлюзу. Металлическая дверь была полуоткрыта. Внутри – тьма, запах озона и пыли.

Он вошёл. Коридоры башни были узкие, выкрашенные в тусклый серый. Свет здесь почти не существовал – только слабое свечение от панелей. Воздух вибрировал. Где-то наверху, в сердце конструкции, работали ядра связи. Он чувствовал их присутствие, как давление на уши, как гул под кожей. Каждый шаг отзывался эхом, будто башня слушала его.

Он поднялся по лестнице. На каждом уровне стояли терминалы, старые и новые, переплетённые кабелями. На экранах текли строки кода, похожие на молитвы. Иногда мелькали фразы: *СИНТЕЗ. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ СЕТИ. ПЕРЕДАЧА ЧИСТА*. Всё было чисто. Никаких вторжений. До этого момента.

Он остановился у пульта управления. Перед ним – панель с шестью слотами, в которых мерцали ядра. Они передавали сигнал в соседние сектора. Он мог уничтожить всё это выстрелом, но понял, что тогда сеть просто перезапустится. Её нельзя убить оружием. Только звуком. Только обратным резонансом.

Он достал глушилку, включил её в обход питания башни. Металл загудел, панели мигнули. Эфир вокруг изменился. Башня заговорила с ним. Сначала – треск, потом шёпот. Слова неразборчивы, но он понял суть. Это была не машина,

это был хор. Сотни голосов, сшитых в одно дыхание. Мужские, женские, детские – все говорили одновременно.

– Мы слышим.

– Мы – одно.

– Мы – связь.

Он сжал зубы, продолжая подключать устройство. Пот струился по лицу. Гул становился сильнее, почти невыносимым. Казалось, что воздух плотнеет, превращаясь в жидкость.

– Вы – тень, – сказал он тихо. – Просто тень от света, который давно умер.

Он изменил частоту. Башня застонала. Свет моргнул. Сеть попыталась оттолкнуть его, но он уже знал, как она дышит. Сначала нарастить волну, потом – провал, тишина, всплеск. Он поймал этот ритм и ввёл обратный сигнал.

Металл под ногами задрожал. Внизу загорелись красные лампы тревоги. Голос системы произнёс:

«Аномалия. Нарушение фазы. Перезапуск связи невозможен.»

Он не остановился. Подключил второе ядро, изменил напряжение. Свет стал белым. Воздух наполнился звуком, похожим на крик. Башня кричала. Сеть осознавала боль. И это было хорошо.

Голос в коммуникаторе ожил – женский, знакомый, тот,

что он слышал в лаборатории.

– Ты не сможешь остановить нас. Мы – голос. Мы – всё.

– А я – тишина, – ответил он.

Он нажал кнопку на глушилке.

Импульс вышел наружу, как дыхание вулкана. Свет погас. Всё на мгновение стало абсолютно тихим. Ни звука, ни ветра. Даже его собственное сердце будто остановилось. Потом изнутри башни рвануло пламя. Медленно, без грохота – как будто сам воздух загорелся.

Он упал на землю, чувствуя, как ударная волна проходит сквозь тело. Металл кричал, горел, ломался. Башня рушилась не сразу – она умирала, как живое существо, теряя голос. Когда всё закончилось, осталась только стена огня и запах горелого железа.

Лерой лежал в пепле. На небе шёл дождь – холодный, редкий. Капли падали на лицо, смешиваясь с пылью. Он не двигался. В голове звенела тишина. Не мёртвая – чистая. Тишина, как после долгой болезни.

Он встал. Башня горела, и в свете пламени всё вокруг казалось прозрачным. Мир стал простым. Чёрное и белое. Огонь и дождь. Он поднял голову. Башни на горизонте мерцали тревожно, посылая сигналы. Где-то далеко уже поднимались дроны. Ответная волна Синода. Он понимал, что они придут. Но страха не было.

Он посмотрел на руки. На ладонях осталась сажа, будто след пламени. Пепел ложился на плечи, волосы, одежду. Он

провёл пальцами по лицу, оставив тёмные полосы. Так выглядели жрецы в старых мифах – те, кто разговаривал с богами и выжил.

Ветер усилился. Дождь теперь лил сплошной стеной. Пламя гасло, но свет оставался. Лерой подошёл ближе к обломкам, достал из рюкзака коммуникатор и включил его. Устройство зажило собственной жизнью. На экране вспыхнули строки:

«СВЯЗЬ УТЕРЯНА. СИНТЕЗ НЕДОСТУПЕН. ВОССТАНОВЛЕНИЕ НЕВОЗМОЖНО.»

Он усмехнулся.

– Именно.

Из динамика донёсся тихий, почти неразличимый голос. Не синтезированный – человеческий.

«Кто ты?»

Он задумался, потом сказал спокойно:

– Никто.

«Почему ты сделал это?»

– Потому что никто не должен слышать ложь.

«Ты убил связь.»

– Нет. Я просто заставил её замолчать.

Голос исчез. Коммуникатор потемнел. Он прижал его к груди. Огонь отражался в его глазах, и в них не было ни восторга, ни страха. Только усталость и ясность.

Он сел на землю, глядя, как башня рушится окончательно. Каждый обломок падал с тихим звуком, как последний удар сердца. Пламя выдыхалось. Из-за дождя поднимался пар, и в нём всё выглядело как сон. Он понял, что это первый настоящий покой за долгие годы.

Но покой не длится. Вдали уже слышался гул. Дроны приближались. Он поднялся, убрал устройство, поправил плащ. Тело болело, но шаг был уверенным. Он шёл не спеша, вдоль разрухи, оставляя за собой следы в пепле. Каждый шаг отзывался звуком – мягким, но чётким. Мир снова слышал его.

Он знал, что теперь всё изменится. Синод не простит. Они ответят. Для них он станет вирусом, искажением, угрозой. Для людей – мифом. Но для себя он оставался тем, кем и был – мальчиком, который однажды услышал тишину и понял, что она говорит правду.

Он шёл, пока башня за спиной не исчезла в дыму. Дождь смывал с него сажу, оставляя серые потоки на коже. В какой-то момент он остановился, посмотрел на небо. Тучи расступились, и сквозь них пробился слабый свет – не солнце, а просто просвет. Он поднял руку, поймал каплю дождя и улыбнулся.

Теперь он знал, что делает. Больше не случайный странник, не спаситель, не легенда. Он стал частью другой силы – той, что разрушает, чтобы освободить.

Огонь за его спиной гас. Мир снова погружался в полумрак. Но внутри него продолжал звучать тихий пульс – та

самая частота, что он слышал в эфире, только теперь она была не снаружи, а внутри. Он шёл на этот звук, и каждый шаг казался продолжением того пульса.

Когда небо стало совсем тёмным, он остановился на гребне холма. Снизу виделись отблески других башен – далеких, живых. Ему предстояло пройти ещё тысячи километров, прежде чем тишина станет всеобщей. Он не спешил. Он знал: каждый импульс, каждый его шаг будет отдаваться эхом, разрушая сеть изнутри.

Он закрыл глаза, и дождь стекал по лицу, смывая пепел.

Мир был чист. На мгновение – чист.

«Если мир глух, – сказал он шёпотом, – заставь его услышать тишину.»

Он пошёл дальше.

За его спиной догорала башня. В небе мигали дроны, приближаясь, как стая металлических птиц. Но он уже был не мишенью. Он был тем, кто их лишил голоса. Тишина шла рядом, как спутница. И впервые за долгое время Лерой чувствовал, что это не конец, а начало.

Огонь ещё долго отражался в облаках, пока не стал просто светлым пятном на горизонте. А потом исчез. Но в сердце мира остался звук – едва слышное эхо, похожее на дыхание. Люди, которые проснутся утром, увидят на востоке дым и скажут: «Томни прошёл здесь».

И только он один будет знать, что это не легенда. Это про-

сто правда.

Глава 5. Тень

Пустоши за три года изменились. Казалось, сам воздух стал тяжелее, насыщен электричеством и страхом. Башни теперь светились не мягким голубым, а красным, тревожным светом, и каждая вспышка на горизонте напоминала о Программе Очищения. Люди исчезали целыми посёлками. Иногда ночью можно было увидеть, как над далёким сектором поднимается белый столб пламени, ровный, без дыма – работа дронов-чистильщиков. Они сжигали не тела, а частоты. Мир стал тише. Даже ветер казался механическим.

Лерой жил в старом тоннеле под обвалившейся магистралю. Вход был завален бетонными плитами, а внутри пахло ржавчиной, пылью и старым топливом. Он обустроил там всё, что нужно для выживания: генератор, фильтры, радиосканер, инструменты. На стенах висели части дронов, как охотничьи трофеи – крылья, визоры, платы. Каждый кусок металла был не просто добычей, а памятью. Он мог рассказать, откуда пришёл, кого убил, что услышал перед смертью.

Он давно перестал говорить сам с собой, но иногда ловил себя на том, что слушает, как гудит воздух. Этот гул был единственным настоящим собеседником. Мир говорил через шум, сквозь пыль и электропомехи. И в этих колебаниях он находил смысл. Если долго вслушиваться, можно различить ритмы – дыхание башен, стук патрулей, шёпот систем связи. Он учился понимать это, как другие когда-то учили

язык.

Днём он редко выходил наружу. Патрули летали низко, сканируя тепло, звук, биоритмы. Он научился замедлять дыхание и пульс, входить в состояние, где тело почти не выдавало присутствия. Иногда лежал под слоем пепла по полчаса, пока над ним не пролетит дрон. Каждый раз, когда он выживал, в груди возникало странное ощущение – не радости, не гордости, а чего-то вроде стыда. Как будто само выживание стало преступлением.

Однажды вечером он поймал слабый сигнал. На частоте 19.35 шёл фрагмент человеческой речи.

«...переходить к сектору восемь. Повторяю: сектор восемь, двое суток пути. Берегись глаз.»

Голос был женский, усталый, но уверенный. Он записал координаты. Примерно двести километров на юго-запад, ближе к обрушенной линии связи. Там, по идее, давно ничего не должно было быть. Но частота была живая, настоящая. Люди.

Он слушал весь вечер, пытаясь поймать продолжение. Вместо этого услышал помехи, похожие на дыхание. Потом – короткий импульс, как удар сердца, и тишину. Сеть заметила передачу и поглотила её. Но этого хватило.

Наутро он собрался. Взял глушилку, энергоячейки, старый пистолет, коммуникатор. Остальное оставил. Уходя, оглянулся на тоннель – тьма, тишина, куски металла. Всё казалось застывшим. Он понял, что не вернётся. Тени не жи-

вут дважды в одном месте.

Путь занял три дня. Он шёл ночью, прячась в оврагах и подваленных ангарах. Вокруг – ни души. Лишь следы костров, иногда – обугленные скелеты машин, мёртвые поля. На третий день он вышел к разрушенной подстанции. Там впервые увидел следы людей – свежие. Угли в костре, следы сапог, обрывок ткани на гвозде.

Он присел, провёл рукой по земле. Песок был тёплым. Кто-то здесь был недавно. Слева, за зданием, услышал слабое жужжание. Поднялся на холм и увидел: трое в плащах, двигались быстро, почти бесшумно. На плечах – эмблема, похожая на треугольник с искрой в центре. Искры. Разведотряд.

Он следил за ними издалека. Они работали слаженно, по привычке к военному порядку. Двигались к старому объекту связи – точно знали, куда идут. Один проверял периметр, другой нёс оборудование. Лерой понимал – они хорошо обучены, но слишком громкие. Он слышал их за сто метров. И знал: если слышит он, то слышит и Синод.

Вечером он остался наблюдать. Когда над горизонтом вспыхнул красный прожектор дрона, он уже понял, что случится. Искры не заметили. Дрон шёл с запада, в режиме пассивного сканирования. Они не успеют укрыться. Он достал глушилку, настроил её на минимальную мощность и запустил. Сфера тишины легла на склон. Дрон сбился с курса и ушёл в сторону, не заметив людей.

Искры ничего не поняли. Но одна из них – та, что шла последней, – вдруг обернулась, будто почувствовала взгляд. Свет визора скользнул по пеплу, задержался на том месте, где он стоял. Лерой затаился, но понял: она увидела не его, а тень. Просто движение в воздухе. Потом они ушли.

Ночью он нашёл их лагерь. Они укрылись под обломком старого купола. Патрулировали по очереди. Он не подходил ближе. Просто наблюдал, слушал. Голоса звучали тихо, устало. Один говорил:

– Мы опоздали. Восьмой сектор пуст. Всех вывели.

– Не вывели, – ответила женщина. – Сожгли. Программа уже началась.

Молчание. Потом кто-то спросил:

– Что будем делать?

– Двигаться. Пока у нас есть частоты, мы живы.

Она говорила уверенно. Тот же голос, что в передаче. Лерой слушал и чувствовал, как внутри что-то шевелится – смесь уважения и тревоги. Эти люди ещё верят, что можно бороться. Они не поняли, что мир уже давно проиграл.

На рассвете он ушёл, оставив на камне старый фильтр и три энергетических капсулы – молча, без следа. Он не хо-

тел, чтобы знали, откуда они. Искры должны думать, что это просто находка. Так безопаснее.

Через два дня он увидел последствия Очищения. Город-призрак, сожжённый дотла. Ни тел, ни крови, только отпечатки людей на стенах – светлые силуэты, будто выжженные светом. В воздухе стоял запах металла и пепла. На улицах лежали дроны-чистильщики, как хищники после пиршества. Их линзы ещё мигали, собирая последние данные. Он подошёл к одному, включил коммуникатор. На экране мелькнула надпись:

«ОПЕРАЦИЯ “СИНХРО”. СТАТУС: ЗАВЕРШЕНО.»

«НЕСТАБИЛЬНЫЕ ЧАСТОТЫ: НУЛЬ.»

Он выключил устройство.

Никаких тел, никаких звуков. Только идеальная тишина. Мир, который достиг совершенства – мёртвый, но упорядоченный.

В тот вечер он долго сидел на крыше разрушенного здания. Внизу, под ним, мерцали огни патрулей, скользили визоры. Ночь отражала их в лужах, и эти красные точки казались живыми. Он думал о людях в куполе, об их тихих голосах. Они ещё живы, но надолго ли? Синод не остановится.

Он достал приёмник, включил его. Волны были пусты. Потом – всплеск.

«Отряд Искр-17. Код шесть. Мы на границе сектора семь.»

Ищем Томни. Если слышишь – мы не враги.»

Он не понял сразу. Они называли имя, которое ещё не существовало. Или уже существовало без него. Томни. Он выключил приёмник. Имя было чужим, как одежда, надетая без спроса. Но оно зацепилось где-то в голове, как заноза.

Ночью он вернулся к старому тоннелю, но не спустился внутрь. Там уже не было его. Память о прежнем – как ловушка. Он собрал новый лагерь ближе к горам. Здесь сигналы глушились естественно. Воздух был плотный, почти вязкий, звук не летел.

С каждым днём он всё чаще замечал следы движения – маленькие метки на камнях, узоры из нитей и трещин. Искры оставляли их, как древние кочевники. Он не знал, видят ли они его следы в ответ. Иногда оставлял для них что-то – батареи, фильтры, координаты безопасных точек. Он делал это без причины, без цели, просто потому что иначе не мог. Помощь из тени – единственная форма связи, которую он себе позволял.

Вечерами слушал радио. Мир гудел, но человеческих частот почти не осталось. Сеть стала плотнее, язык – короче, речь – формальней. Всё, что говорилось, звучало как отчёт. Люди в эфире исчезли, остались коды. И в этой механической монотонности его собственное молчание звучало громче всего.

Он знал, что однажды Искры найдут его. Это было неизбежно. Слишком много совпадений, слишком точные следы.

И, возможно, он даже хотел этого – не встречи, а подтверждения, что всё ещё есть кто-то, кто говорит человеческим голосом. Но пока он оставался тенью.

Ночь. Луна почти не видна. На горизонте мигают красные визоры дронов, их свет отражается в воде. Лерой стоит по колено в болоте, смотрит, как сквозь дождь движется отряд Искр. Они идут туда, где он был два дня назад. Он знает, что патруль уже идёт за ними. И знает, что не может вмешаться напрямую – если сеть заметит отклонение, всех вычислят.

Он достаёт глушилку, включает на слабый импульс. В небе мигает свет, визоры сбиваются, дроны теряют координаты. Искры проходят. Один из них поднимает голову и видит отблеск на воде – отражение его фигуры. На секунду. Потом уходит.

Он гасит устройство. Тишина. Только дыхание, дождь, и слабый треск эфира. Он шепчет, не для кого, просто чтобы проверить, жив ли голос:

– Не орден. Не цепь. Только путь.

Эхо не отвечает. Но где-то вдали, на старой частоте, шевелится отклик. Едва слышный. Женский голос.

«Томни?»

Он выключает приёмник.

Пусть миф живёт сам по себе.

Первые сигналы он поймал на четвёртый день после

шторма. Радио трещало, эфир был забит помехами, но среди хаоса вдруг прорезался знакомый ритм – три коротких, два длинных, один короткий. Старый код Искр. Он не слышал его уже несколько лет. Тогда, в начале войны, этот ритм звучал как молитва, теперь – как эхо из другого времени. Он замер, слушая. На частоте 17.04 кто-то передавал координаты.

«Северо-западный периметр. Два дрона. Потери – двое. Запрашиваем эвакуацию. Повторяю – сектор девятнадцать, шахта под кодом “Лиара”.»

Он повторил слова шёпотом. «Лиара». Это была старая станция добычи руд, давно заброшенная. Всего в пяти километрах отсюда. Он не собирался вмешиваться, но что-то в голосе заставило двинуться. Голос женщины – твёрдый, уставший, без истерики. Голос человека, который всё ещё верит, что можно что-то исправить.

Дорога заняла два часа. Лерой шёл по руслу высохшей реки, прячась от тепловизоров. В воздухе стоял запах озона – дроны прошли недавно. Когда он добрался до шахты, уже начинало темнеть. Металл покрылся инеем, лужи на земле отражали красный свет визоров. Вдалеке слышался гул двигателей. Он присел за валуном и достал оптический прицел.

Внизу, у входа в шахту, шевелились люди – пятеро, двое ранены. Над ними кружил дрон-разведчик. Он не атаковал, просто ждал сигнала. У Искр оставалось минуты три. Он достал глушилку, настроил частоту и ударил импульсом. Дрон замер, потом рухнул в пыль. Люди подняли головы. Один из

них, парень в чёрной броне, заметил движение и направил оружие в его сторону. Лерой не двинулся. Женщина подняла руку, останавливая. Она смотрела прямо на него.

– Кто ты? – крикнула она.

Он не ответил. Просто вышел из тени. Плащ был мокрым, лицо закрыто фильтром. Свет прожектора скользнул по нему, выхватив очертания. Он поднял руку – не угрожающе, просто чтобы показать, что не враг.

– Мы не стреляем, – сказала она. – Если ты не из них.

– Я не из них, – ответил он. Голос прозвучал глухо, словно из-под земли.

– Тогда кто?

Он пожал плечами.

– Тот, кто идёт мимо.

Она чуть нахмурилась. Свет дрожал на её лице. Её глаза были тёмные, живые. В них было что-то такое, чего он давно не видел – внимание. Не подозрение, не страх, а именно внимание.

– Мы слышали о тебе, – сказала она. – Томни.

Он молчал.

– Так тебя называют, – продолжила она. – Говорят, ты появляешься, когда всё кончено. Говорят, ты не спаситель, а просто... эхо.

– Эхо бывает разным, – тихо сказал он.

Она кивнула, не споря.

– Мы можем использовать твоё эхо.

Он усмехнулся под маской.

– Орден? Команда? Нет. Любой орден превращается в цепь.

Она сделала шаг ближе.

– Цепь держит, когда всё остальное рушится. Мы не ищем господства, Томни. Мы просто хотим выжить.

– Вы уже мертвы, – ответил он. – Только не заметили.

Её зрачки сузились.

– Ты ошибаешься. Пока мы слышим друг друга – живы.

Он отвёл взгляд. За её спиной виднелись остальные – усталые, измотанные, но всё ещё держащие оружие, готовые к бою. В их движениях было то, что он когда-то знал – вера. Не в идею, а в плечо рядом.

– Синод идёт, – сказала она. – Через пятнадцать минут здесь будет зачистка. Если ты не с нами, уходи.

Он посмотрел на небо. Прожекторы уже резали облака. Гул становился громче.

– Я не с вами, – сказал он. – Но останусь до конца.

Она не ответила. Только кивнула.

Они успели установить пару мин, когда первый дрон вошёл в зону. Лерой уже знал, что они не справятся. Слишком мало боеприпасов, слишком много врагов. Он запустил глушилку на полную мощность. Воздух задрожал. Первый дрон потерял управление и врезался в стену. Второй попытал-

ся скорректировать курс, но сбился. Искры открыли огонь. Взрывы, свет, дым. Всё смешалось.

Он действовал машинально. Каждое движение – выверенное, без эмоций. Металл, звук, тишина. Мир сжался до одной точки – между вдохом и выстрелом. В какой-то момент он услышал крик, женский, короткий, и обернулся. Ана Лейр лежала на земле, зажав руку. Пуля прошла сквозь плечо. Он подбежал, прижал рану, включил свёртку ткани, остановив кровь.

– Ты не должен был оставаться, – сказала она.

– Я не остался, – ответил он. – Просто ещё не ушёл.

Она усмехнулась.

– Странная логика.

– Единственная, которая работает.

Дроны начали отступать. В небе мелькнул сигнал – отбой. Сектор был очищен. Искры выжили, но ненадолго. Он знал, что это лишь вопрос времени. Когда всё стихло, они сидели у костра внутри шахты. Дождь стучал по металлу, звук отдавался эхом. Ана смотрела на него.

– Почему ты один? – спросила она.

Он не ответил сразу. Смотрел в пламя.

– Потому что когда ты с людьми, они начинают верить, что ты можешь их спасти. А потом умирают.

– Может, не из-за тебя, а потому что мир такой.

– Мир не меняется, – сказал он. – Меняются только те,

кто пытается его спасти. Сначала строят, потом начинают ломать.

Она покачала головой.

– Нет. Мы просто держим огонь, пока кто-то вроде тебя не принесёт пепел.

Он усмехнулся.

– Пепел – тоже топливо.

Они молчали. Вдалеке что-то гудело – башня или шторм, уже не важно. Он чувствовал усталость, но не сонную – глубинную, как будто жил слишком долго. Ана достала из сумки металлический жетон и протянула ему. На нём – знак Искр.

– Возьми. Это не цепь, если сам решаешь, когда надеть.

Он не взял.

– Я не принадлежу ничему. Даже себе.

Она посмотрела на него долго, потом спрятала жетон.

– Тогда хотя бы скажи, зачем ты продолжаешь.

Он пожал плечами.

– Потому что кто-то должен слушать, когда все говорят одновременно.

Она кивнула.

– Тогда слушай. Синод готовит не просто зачистки. Это

Программа Очищения. Они будут стирать всех, кто не синхронизирован. Неважно, кто ты – человек, сигнал, память. Всё уйдёт. Мы нашли доказательства. У нас есть фрагменты их кода. Если поможешь, мы сможем...

– Ничего вы не сможете, – перебил он. – Сеть не уничтожается снаружи. Она питается даже вашим сопротивлением. Любое движение – сигнал. Любой крик – подтверждение существования. Она живёт на этом.

– Тогда что остаётся? Молчать?

– Иногда – да.

Она встала.

– Я думала, ты из тех, кто борется.

– Я из тех, кто дышит. Пока могу.

Она хотела что-то сказать, но не стала. Просто отвернулась. Остальные уже собирали вещи. Он смотрел, как они уходят. Шаги растворялись в пыли, свет фонарей гас в темноте. Только она обернулась на секунду, бросив короткое:

– Томни. Не прячься вечно. Даже тень когда-нибудь перестаёт быть тенью.

Он не ответил.

Когда они ушли, он остался один. Дождь усилился, в воздухе пахло железом и дымом. Он сидел у угасающего костра и слушал, как капли падают на металл. Мир казался выжженным, но живым. Каждая капля – как пульс.

Через час эфир ожил.

«Искры-17 к базе. Потери: один. Контакт с неизвестным – положительный. Возможен союз. Кодовое имя – Томни.»

Он выключил приёмник. Имя снова прозвучало, теперь уже из человеческого голоса. Слишком громко. Он взял горсть пепла из костра, сжал в ладони и бросил в воду. Пепел растворился, оставив чёрный след.

Он понимал, что сделал ошибку – позволил себе быть увиденным. Теперь Синод найдёт их быстрее. Сеть всегда ловит отклонения. Где есть след, там есть сигнал. Он встал, забрал глушилку, поднял капюшон и пошёл в сторону гор.

Небо над ним пульсировало красным. Башни разговаривали между собой, обмениваясь кодами. Он слышал это, как музыку. В каждом импульсе – фраза, в каждой вспышке – слово. Мир говорил на своём языке, и он был единственным, кто его понимал.

Иногда он останавливался, чтобы послушать, где Искры. Их сигналы были чистыми, человеческими. Они звучали как дыхание. Он помогал им издали – запускал помехи, сбивал трассировки, оставлял координаты. Никогда не приближался.

Через несколько дней он услышал, как в эфире повторяют: «Благодарим Томни. Он где-то рядом.»

Он усмехнулся. Миф жил сам. И, может быть, это было хорошо. Пусть люди верят в тень. Тень не требует благодарности.

На шестую ночь после шторма он нашёл остатки патруля Синода. Пять дронов, выведенных из строя. На броне одного – след от пуль Искр. Он присел, осмотрел. Сигнал всё ещё шёл. В памяти дрона мелькали данные – видеофрагменты, записи. На одном из них – Ана, говорящая что-то в эфир:

«Если ты слышишь – ты не один. Мы идём туда, где темнее. Может, встретимся снова.»

Он выключил запись. Небо было чёрное, без звёзд. Только башни мерцали вдали, как огромные глаза. Он долго смотрел на них, потом сказал тихо:

– Нет, Ана. Всё наоборот.

Он повернулся и пошёл прочь, оставляя следы в мокром песке. Ветер выдувал их сразу же. Мир будто сам стирал за ним путь. Это было правильно.

Он знал, что теперь начнётся другое – время, когда миф станет оружием, а человек – просто шумом на частоте. И, может быть, это и есть его предназначение: быть шумом, который мешает идеальной тишине.

Он шёл, не чувствуя усталости. Вода стекала по плащу, лужи отражали красные визоры неба. Каждый шаг звучал как пульс. Томни. Томни. Томни.

Дни после шторма тянулись медленно, как будто время само стало вязким. Воздух был пропитан пеплом и влагой, и каждый вдох давался с усилием. Башни на горизонте мигали ровно, без эмоций, как пульс умирающего мира. Синод

не спешил – он никогда не спешил. Его война была вечной, бесстрастной. Не месть, не ярость, а процесс. И именно это было страшно.

Лерой слушал эфир. Несколько частот ещё жили, но голоса становились тише. Искры передавали отчёты коротко, отрывисто: *«Сектор девятнадцать – потерян.»* *«Отряд восемь – без связи.»* *«Новые координаты недоступны.»* И всё. Ни эмоций, ни имён. Он знал, что это значит. Их сеть рушилась. Программа Очищения вступала в последнюю фазу.

Он перемещался по горам, избегая открытых пространств. Снег сменился грязью, грязь – пеплом. Дроны сканировали небо узкими лучами, словно ощупывая воздух. Иногда он видел, как над долинами проносятся огненные полосы – лазеры очистки. Всё, что попадало в их зону, испарялось. Люди, деревья, здания – всё превращалось в пыль. Он не чувствовал ужаса. Только равнодушие. Как будто мир просто сбрасывал лишний слой.

Он остановился у обрыва. Внизу виднелись остатки поселения – ряды чёрных куполов, сгоревших наполовину. Среди них двигались фигуры – не люди, не дроны, что-то промежуточное. Он пригляделся. Контролёры. Новая форма техники Синода. Человеческие тела, соединённые с механизмом. Их движения были странно плавными, без рывков. Он понял, что Синод больше не нуждается даже в машинах – он собирал тела для сети, чтобы заполнить ими пустоты. Люди стали инфраструктурой.

Он спустился вниз ночью. Ветер свистел, нес пепел, и каждый шаг отзывался глухим звуком. В руке он держал глушилку, готовую к запуску. Но внизу было слишком тихо. Ни одного крика, ни звука. Он вошёл в один из куполов. Внутри – пустота. На стенах светились символы Синода: круг, перечёркнутый линией. Под ним надпись: *СИНТЕЗ ЗАВЕРШЁН.*

Он присел, провёл рукой по пыли. Под ней – обугленная ткань, фрагменты кожи. В воздухе витал запах горелого пластика. Всё сливалось в одно. И вдруг – голос. Хриплый, едва различимый, через помехи.

«...Лерой... слышишь?..»

Он замер. Это был женский голос. Ана. Её частота, её тон. Он включил приёмник, усилил сигнал.

«...если жив... не иди... они следят...»

Сигнал оборвался.

Он поднялся, посмотрел на небо. Башни мигали чаще. Значит, Очищение шло и здесь. Он двинулся по направлению к источнику сигнала. В горах за этим поселением был старый промышленный тоннель – именно там Ана говорила о новой базе.

Путь занял ночь. Он шёл быстро, не останавливаясь, и чем ближе подходил, тем больше чувствовал гул в воздухе. Это не был звук, это было давление – словно сама сеть чувствовала его приближение. У входа в тоннель он увидел тела. Пятеро Искр. Без крови, без ран, просто лежали. На лбу у каж-

дого – маленькая точка, отпечаток визора. Чистильщики.

Он прошёл внутрь. В стенах горели остатки ламп. На полу – ящики, провода, сожжённые документы. В глубине – мерцание. Он пошёл на свет. В зале стоял большой передатчик, вокруг него – трое выживших. Ана среди них. Она была бледна, глаза – чёрные от усталости. Когда он вошёл, никто не удивился. Как будто ждали.

– Я говорила, что он придёт, – тихо сказала она.

Он остановился.

– Зачем вы остались?

– Мы пытались вытащить людей из западного сектора, – ответила она. – Но сеть их нашла раньше. Они... – она загнулась. – Мы не успели.

Он посмотрел на передатчик.

– Что это?

– Последний канал связи. Мы можем выслать код Программы Очищения. Если кто-то ещё жив, если кто-то услышит, они смогут понять, как бороться.

Он усмехнулся.

– Никто не услышит. Всё глушится. Даже небо.

– Всё равно, – сказала она. – Если хотя бы один услышит – достаточно.

Он подошёл ближе.

– Ты не понимаешь. Любой сигнал – пища для сети. Она живёт на этом. Всё, что вы передаёте, возвращается к ней. Даже отчаяние.

– Тогда что? – крикнула она. – Молчать? Смотреть, как всё исчезает?

Он не ответил. Только подошёл к телам у входа, закрыл им глаза. Их лица были спокойные, почти мирные.

– Они знали, – сказал он тихо. – Они не боролись. Просто приняли.

– Нет, – возразила она. – Они верили.

– Вера – форма согласия.

– Ты ошибаешься, Томни. Без веры ты просто тень.

Он посмотрел на неё.

– Я и есть тень.

Она подошла ближе.

– Мы можем передать всё, что нашли. Программу, координаты, коды. Если ты сможешь...

Он покачал головой.

– Нет. Я помогу по-другому.

Он достал коммуникатор, подключил к передатчику. На экране вспыхнули линии кода. Она нахмурилась.

– Что ты делаешь?

– Стираю вас из сети. Все частоты, все идентификаторы.

После этого вас не найдут.

– А наши сигналы? Люди?

– Они исчезнут. Как будто вас никогда не было.

– Это убийство.

– Это спасение.

Она попыталась отключить устройство, но он остановил её взглядом. Взгляд был спокойный, но в нём было что-то ледяное, неумолимое.

– Я видел, что делает сеть с теми, кто говорит. С теми, кто верит, что голос – это сила. Она превращает слова в координаты, надежду – в данные. Единственный способ победить – стать тишиной.

– А потом что? – прошептала она.

– Потом – ничего. И в этом свободе больше, чем во всех ваших сигналах.

Сеть почувствовала вмешательство почти сразу. Воздух загудел, лампы начали мигать. На экране – строка: «*НЕСО-ОТВЕТСТВИЕ. ПЕРЕГРУЗКА КАНАЛА.*» Потом вспыхнуло пламя. Взрыв отбросил их обоих к стене. Он встал первым, помог ей подняться. В туннель уже врывались дроны.

Он включил глушилку. Мир задрожал. Свет погас. Только искры летали в темноте. Он схватил Ану за руку.

– Уходи.

– А ты?

– Я – нет.

– Почему?

Он улыбнулся.

– Потому что тень не может уйти от света.

Она хотела что-то сказать, но он уже развернулся. Глушилка пульсировала у него в руке, готовая к последнему импульсу.

– Иди, Ана. Пока тишина жива.

Она побежала. Дроны бросились следом. Он остался.

Импульс вырвался наружу, как дыхание. Звук исчез. Мир стал белым. Всё вокруг дрогнуло, воздух загустел. Потом – взрыв. Туннель рухнул. Башни на горизонте мигнули раз, другой – и замолкли.

Когда всё стихло, остался только ветер. В его сердце – тишина. Не мёртвая, не глухая, а чистая. Мир впервые за многие годы не говорил.

Он лежал на земле, чувствуя, как холод вползает в кости. Коммуникатор разбит, но всё ещё светился. На экране мелькали последние строки:

«СИНТЕЗ ПРЕРВАН. СВЯЗЬ ОТСУТСТВУЕТ.»

Он улыбнулся.

– Вот и хорошо.

Он встал, пошатываясь. Обвал перекрыл вход, но вверху,

через трещину, виднелся свет. Он выбрался наружу. Горы были чёрные, воздух – прозрачный. Небо без визоров, без прожекторов. Только звёзды. Он смотрел на них долго, чувствуя, как тело дрожит от холода и усталости.

Где-то далеко, в эфире, вспыхнул сигнал. Один. Короткий.

«...Если ты слышишь – ты не один...»

Он выключил приёмник.

– Всё наоборот, – сказал он тихо. – Но это и есть жизнь.

Он пошёл вниз, по склону, туда, где начинался новый расцвет. На востоке поднимался дым – остатки сгоревшей башни. Синод, возможно, восстановится. Сеть построит себя заново. Всё повторится. Но не с ним. Он стал вне частоты.

С каждым шагом он чувствовал, как тело становится легче. Сеть больше не видит его. Он вычеркнут. Никаких сигналов, никаких данных. Даже дыхание – вне диапазона. Он растворился. Не человек, не миф, просто шум между волнами.

Когда солнце показалось из-за гор, он остановился. Свет упал на лицо. В его тени пепел блестел, как крошечные искры. Он посмотрел на ладони – на них остались следы сажи и крови. Ветер подхватил пепел, унёс.

Он понял, что больше не чувствует усталости. Только пустоту. Но это была не смерть. Это было освобождение.

Он шёл дальше, не оставляя следов. Мир снова обрёл тишину, но теперь в этой тишине звучало его дыхание. Неза-

метное, слабое, но живое.

И где-то далеко, в тех, кто выжил, это дыхание превратится в легенду.

Про того, кто не спасал и не разрушал, а просто шёл во тьме.

Глава 6. Имя

Они сидели у костра, в старой каменоломне, где стены ещё держали тепло, хоть над головой гулял холодный ветер. Дрова трещали, огонь был слабый, но настоящий – не синтетический, не добытый батареей, а живой, как в старые времена. Люди молчали. Только когда ветер стих, заговорил старик – тот, что всегда начинал первым. У него дрожал голос, но не от страха, а от возраста. Он говорил тихо, как будто боялся спугнуть слова.

– Был он, – сказал старик, – и не был. Говорят, ночью пришёл. Ни шагов, ни дыхания. Только двери скрипнули. А утром – у нас под порогом мешок. Еда. Настоящая. Не порошок, не замес – хлеб. Хлеб, дети мои.

Рядом кто-то хмыкнул. Молодой, в обрывках старой формы, гвардейская куртка с вырванными эмблемами.

– Хлеб? Да кто ж теперь печёт? Синод запретил зерновые ещё десять лет назад.

– Вот и я говорю, – кивнул старик. – Никто не печёт, а хлеб есть. Мягкий, свежий. И ещё кусок ткани рядом, укутанный. Внутри – соль.

– Соль? – переспросила женщина с худым лицом. – Настоящая?

– Настоящая. Белая, крупная. Как снег.

Кто-то перекрестился по-старому, кто-то усмехнулся. Дети слушали, не дыша. Старик говорил медленно, подбирая слова, будто каждое стоило усилия.

– А собаки, – продолжал он, – не лаяли. Обычно они воют, если чужой проходит. А тут – тихо. Только одна подняла голову, посмотрела в темноту и завывала тихо, не громко, будто радовалась. Я вышел, смотрю – следы на снегу. Неглубокие. Как будто не человек, а тень прошла.

Молодой усмехнулся:

– Опять ты со своими тенями. Может, бродяга какой. Или синтезант. Они тоже тихо ходят.

– Нет, – сказал старик твёрдо. – Синтезанты оставляют запах. Металл. А тут – ничего. Только холод.

Женщина вздохнула.

– Так ты думаешь, это он?

Старик посмотрел в огонь.

– Не думаю. Знаю. Томни.

Над костром прошёл ветер, пламя дрогнуло. Несколько человек одновременно перекрестились, кто-то плюнул в сторону, чтобы отвести беду.

– Не называй имя, – сказал кто-то из темноты. – За имя сейчас чистят.

– А мне всё равно, – ответил старик. – Если бояться имени – значит, уже не живёшь.

Молчание повисло тяжёлое. Только потрескивал огонь. Где-то вдалеке ухнула башня – глухо, будто под землёй. Люди вздрогнули.

– Видите, – сказал старик. – Они боятся его больше, чем мы. Башни, патрули, дроны – всё их железо не может поймать тень. А имя ловит. Потому и запрещают.

Женщина кивнула, шепча:

– Мой брат говорил, будто видел его однажды. В горах. Ночью. Сидел у ручья, а рядом – он. Не человек вроде, и не дух. Просто сидит и смотрит в воду. Сказал ему брат: «Ты – кто?» А тот ответил: «Я – никто». И ушёл. А утром ручей стал чистым. Вода без вкуса, без пепла. Мы пили её неделю. Потом снова помутнела.

Молодой фыркнул.

– Сказки всё это.

– А что, – вмешалась старуха, что молчала до сих пор, – если сказка – это всё, что у нас осталось?

Никто не ответил.

Долгое время они сидели молча. Ветер приносил запах мокрого пепла и дыма. Где-то вдали, за каменоломней, выли

дроны. Их гул был ровный, убаюкивающий, как колыбельная.

– Я слышал, – сказал вдруг парень из тьмы, – будто в соседнем секторе он сжёг пункт связи. Сам один. Говорят, от туда до сих пор идёт свет, который не гаснет.

– Свет? – переспросила женщина. – Но ведь он во тьме.

– А может, – тихо сказал старик, – тьма – это просто другой вид света. Тот, что не обжигает.

Дети шевельнулись ближе к костру. Кто-то запел тихо, без слов, старую песню, которую никто не помнил до конца. Огонь трепетал, отражаясь в глазах.

– А если он придёт сюда? – спросил мальчик. – Что мы ему скажем?

Старик улыбнулся, морщины на лице стали глубокими, как трещины в земле.

– Ничего. Ему и не надо слов. Главное – не кричать. Он приходит туда, где тихо.

Молодой солдат посмотрел в темноту, где таял дым.

– А если за ним придут?

– Уже приходят, – ответил старик. – Слышишь?

И действительно – где-то далеко раздался низкий, ровный гул. Башни переговаривались между собой. В небе промелькнул красный огонь. Люди притихли, инстинктивно пригнулись, будто от этого что-то зависело.

– Не бойтесь, – сказал старик. – Они не видят нас. Пока мы не двигаемся, нас нет. А он движется так, что даже свет не успевает за ним.

Женщина посмотрела на огонь.

– Ты правда видел его, старик?

Он долго молчал. Потом сказал:

– Видел. Но не глазами. Слышал, как мир замолчал. Только один раз за всю жизнь такое бывает. Воздух стал плотным, время остановилось. И в этой тишине – шаг. Один. И всё. Потом снова ветер.

– Может, это просто сердце, – сказала она тихо. – Или страх.

– А может, – ответил он, – и то, и другое. Может, он и есть страх, что научился говорить.

Огонь почти погас. Люди начали расходиться к своим укрытиям. Старик остался. Он сидел, пока небо не посерело, пока дым не стал похож на туман. Потом медленно встал, бросил в пепел последнюю ветку и сказал:

– Неважно, жив он или нет. Главное – он есть.

Он ушёл первым. За ним – женщина с детьми. Солдат задержался, посмотрел на костёр, на следы в пепле. Одно место было чистое, как будто кто-то сидел там недавно, но огонь не обжёг землю. Он присел, потрогал рукой. Земля была тёп-

лая. Слишком тёплая. Он посмотрел в сторону, где кончалась каменоломня. Там шевельнулся воздух.

– Старик, – тихо сказал он, – кажется, твоя сказка пришла. Ответа не было. Только ветер.

Он поднялся и пошёл прочь. Когда обернулся, костра уже не было – только дым, уходящий прямо вверх, без ветра.

Позже он рассказывал, что в ту ночь видел человека на склоне. Или не человека. Фигура стояла неподвижно, смотрела в небо. Ни света, ни звука. Только силуэт, как вырезанный из воздуха. И где-то далеко, за горами, вспыхнуло красное – будто башня загорелась.

– Он смотрел туда, – говорил солдат. – Как будто знал, что будет дальше.

Его слушали и молчали. Потому что уже не важно было, правда это или нет. С тех пор каждый вечер, когда ветер приносил запах дыма, кто-то обязательно говорил:

– Тише. Может, он рядом.

И собаки не лаяли.

Архив 19-О/С.

Протокол допроса №471.

Дата: 04.03.2068.

Объект: гвардеец Синода, сержант Вальд Кирс.

Сектор: Восточный фронт, периметр 12.

Офицер допроса: командор Хайрон.

Запись активирована.

Хайрон: Назовите ваше имя.

Кирс: Сержант Вальд Кирс, личный номер три-ноль-семь.

Хайрон: Где вы находились в ночь с первого на второе марта?

Кирс: Конвой «Транс-9», сопровождение каравана. Пять единиц техники, двадцать четыре человека личного состава. Мы двигались по маршруту Нор-Восточный – сектор восемнадцать.

Хайрон: Цель?

Кирс: Перевозка архивных блоков.

Хайрон: Что произошло в двадцать три сорок?

Кирс: Сначала – помехи. Радио стало шуметь, потом полностью пропала связь. Мы решили, что это обычный магнитный фронт, но... потом звук пропал совсем. Не только радио – всё. Воздух стал мёртвым. Даже двигатель грузовика перестал рычать. Мы ехали – а тишина. Только колёса по пеплу.

Хайрон: Техническая неисправность?

Кирс: Нет. Всё работало. Просто звука не было.

Хайрон: И что вы сделали?

Кирс: Я отдал приказ остановиться. Думал, перегруз сети.

Мы вышли наружу. Небо – чёрное, без звёзд. Только башни на горизонте мигали. И тут один из ребят... выстрелил. Просто так. Проверить. Пуля вылетела – и пропала. Ни звука, ни вспышки. Только дым от ствола.

Хайрон: И после этого?

Кирс: Свет погас. Всё. Мы стояли, ничего не видели. Потом появилось что-то.

Хайрон: Опишите.

Кирс: Не могу. Оно было... не человек. И не машина. Как будто место, где должно быть тело, стало дырой. Воздух вокруг гнулся, свет проваливался. Оно шло медленно, без шагов. Просто двигалось, как волна.

Хайрон: Вы открыли огонь?

Кирс: Конечно. Все открыли. Но звук не вышел. Пули летели – и растворялись. Потом один за другим люди начали падать. Без крови. Просто падали. Я подумал – гравитация, какая-то волна. Но нет. Они были живы. Просто... спали. Стояли, потом – будто выключились.

Хайрон: Кто-то из вас видел источник?

Кирс: Я. Когда всё закончилось. Он стоял посреди дороги. Ни лица, ни шлема. Только плащ. Ветер проходил сквозь него. И ещё – глаза. Или не глаза. Две точки, тусклые, как тлеющие угли.

Хайрон: Что он делал?

Кирс: Смотрел. Просто смотрел. Потом поднял руку – и воздух снова стал звучать. Только тогда я понял, что до этого

не слышал ничего.

Хайрон: Что вы почувствовали?

Кирс: Ничего. Это самое страшное. Ни страха, ни боли. Просто пусто. Как будто из меня вынули всё.

Хайрон: Вы знали, кто это?

Кирс: Потом – да. Томни.

Хайрон: Кто вам сказал это имя?

Кирс: Никто. Оно само пришло. В голове. Как будто эфир шепнул.

Хайрон: Вы понимаете, что распространение этого имени – нарушение статута 6/П-О?

Кирс: Понимаю.

Хайрон: Тогда почему вы его произносите?

Кирс: Потому что если не назвать – останется внутри. А там больнее.

Хайрон: Продолжайте описание.

Кирс: Он стоял до тех пор, пока башня не подала сигнал тревоги. Тогда свет упал на него. Мы все ослепли на секунду. А потом – ничего. Пустое место. Остался только отпечаток на пепле. Круг, как от жара.

Хайрон: Потери?

Кирс: Семь человек не проснулись. Ещё трое – без памяти. Сказали, что видели сны. Один кричал: «Он забрал наш звук».

Хайрон: Ваш анализ?

Кирс: Я не аналитик. Но, по-моему, это не человек. Это...

резонанс. Место, где тишина учится дышать.

Хайрон: Вы говорите метафорами, сержант. Мы не на проповеди.

Кирс: Извините, сэр. Просто по-другому не скажешь.

Хайрон: Были признаки использования технологии подавления?

Кирс: Нет. Никаких приборов. Никакого импульса. Только... присутствие.

Хайрон: Вы уверены, что это не массовый сбой восприятия?

Кирс: Уверен. Если бы это был сбой, я бы не помнил вкус крови во рту. Я кусал губу, чтобы понять, жив ли. И был. Значит, не сон.

Хайрон: После инцидента что вы сделали?

Кирс: Мы вызвали помощь. Когда прибыл отряд, уже никого не было. Ни тел, ни машин. Всё исчезло. Только пепел. И среди него – надпись.

Хайрон: Какая?

Кирс: Пеплом. На дороге. Два слова: «Не ищи».

Хайрон: Вы уверены, что не галлюцинация?

Кирс: Да. У меня есть фото.

Хайрон: Фото уничтожено согласно протоколу.

Кирс: Знаю. Но всё равно вижу её каждую ночь.

Хайрон: Что вы чувствуете, когда вспоминаете?

Кирс: Сначала страх. Потом... ничего. А потом – тихо. Слишком тихо. Как будто всё вокруг ждёт, что он вернётся.

Хайрон: Вы считаете, он вернётся?

Кирс: Не знаю. Может, он и не уходил.

Хайрон: Вы хотите сказать, что он присутствует здесь?

Кирс: Не знаю. Но иногда, когда выключают свет, кажется, что комната становится меньше. Как будто воздух слушает.

Хайрон: Довольно.

(Пауза. Слышно дыхание. Бумаги шелестят.)

Хайрон: Сержант, вы служите Синоду двадцать один год. Верно?

Кирс: Верно.

Хайрон: Тогда скажите честно: вы всё ещё служите?

Кирс: Не знаю. Раньше я знал, за что воюю. Теперь – просто стою, когда приказывают.

Хайрон: Значит, вы сомневаетесь.

Кирс: Нет. Просто слушаю.

Хайрон: Что вы слышите?

Кирс: Тишину.

Хайрон: Это поэзия, сержант, а не показания.

Кирс: Может, поэзия – всё, что осталось.

Хайрон: Хорошо. Последний вопрос. Если вы снова столкнётесь с объектом, что будете делать?

Кирс: Ничего.

Хайрон: Почему?

Кирс: Потому что стрелять в тьму – бесполезно. Она не умирает.

(Пауза. Шорох кресла. Звук включаемого визора.)

Хайрон: Запись приостанавливается.

(Долгая тишина. Потом снова голос, но уже другой – холодный, механический.)

Система: Допрос завершён. Субъект признан нестабильным. Передача в Сектор Контроля. Протокол 7-А активирован.

(Щелчок. Затем короткий шёпот, едва слышный, зафиксированный системой как «неопознанный источник звука».)

«Он идёт. Не ищите.»

Служебная пометка:

В ходе анализа аудиозаписи выявлены отклонения на частоте 3.21 Гц – несвойственные человеческой речи вибрации.

Заключение: возможное воздействие объекта Томни на биоритм свидетеля.

Рекомендация: допрос офицера Хайрона отложен.

Дополнительная вставка из радиосводки Синода (через 2 дня):

«Объект под кодом TOMNI официально признан врагом порядка.

Его присутствие вызывает отклонения в работе связи и эмоциональных протоколов.

Любые упоминания имени в эфире – преступление.

За сотрудничество с объектом – очистка.

Тьма не принадлежит никому. Порядок – свет. Синод говорит. Синод слышит. Синод существует.»

Запись окончена.

Шум, словно дыхание, длится ещё несколько секунд.

На отметке 00:47:12 зафиксирован посторонний звук – лёгкий шёпот, не принадлежащий ни одному присутствующему.

«Свет умирает быстрее, чем голос.»

Файл закрыт, архивирован под кодом IM-19/2.

Дождь начинался внезапно, как будто небо устало ждать. Крупные капли падали на пепел, оставляя на нём тёмные следы. В старом городе, где когда-то были улицы и вывески, теперь лежали только стены, раздавленные временем. Между ними – хижины, собранные из обломков металла и кусков пластика. В одной из них жила женщина. Она не помнила, как звали её раньше, только знала, что когда-то умела смеяться. Теперь – нет.

Она развела костёр из старых проводов. Огонь горел неровно, дым ел глаза. Рядом, под одеялом из старых меш-

ков, спал ребёнок. Маленький, худой, с лицом, почти прозрачным от голода. Она смотрела на него и шептала, будто сама себе:

– Он придёт.

Ребёнок не ответил. Во сне он тихо дышал, и это дыхание казалось самым живым звуком на свете. Женщина наклонилась, поправила его волосы. Потом взяла кусок хлеба – серого, с пеплом – и положила на пол.

– Ешь, когда проснёшься, – сказала она.

Снаружи ветер шевельнул тряпки, звук напоминал голоса. Женщина вздрогнула. Каждый шорох теперь казался шагом. Она вышла наружу. Дождь бил по крышам, небо было низким, как потолок камеры. Где-то далеко, за горами, мерцал свет башни. Она стояла, глядя туда, и говорила тихо, будто к кому-то невидимому:

– Если ты ещё слышишь... не подходи близко. Здесь дети. Они не знают страха, не учи их ему.

Ветер ответил шорохом.

Из-под земли донёсся низкий гул. Башня оживала. Воздух наполнился ровным, гулким голосом, без интонации, без лица.

«Граждане. Слушайте.

Враг имеет имя.

Имя заражает.

Томни – тьма. Томни – вирус.

Не повторяйте имя.

Порядок спасёт. Порядок говорит. Порядок слышит.»

Голос звучал отовсюду – из металла, из стен, из воздуха.

Женщина зажала уши, но звук проходил сквозь ладони, прямо в череп. Она упала на колени, прижимая голову к земле. Дождь смешивался с пеплом, превращаясь в серую грязь.

«Каждый, кто слышит, обязан забыть.

Каждый, кто помнит, – мёртв.

Повторение имени приравнивается к измене.

Синод очистит. Синод защитит. Синод есть.»

Потом – тишина. Только гул дождя. Женщина встала, шатаясь, вошла обратно. Ребёнок уже проснулся. Он сидел, смотрел на дверь. В руках – тот самый кусок хлеба, теперь мокрый, расплзающийся.

– Мам... а кто такой Томни?

Она замерла. Сердце ударило слишком громко.

– Где ты слышал это имя?

– Снаружи. Оно звенело в воздухе. Как песня.

Она подошла, обняла его.

– Не говори его. Никогда.

– Почему?

– Потому что те, кто говорит, исчезают.

– А если он добрый?

Она закрыла глаза. Перед внутренним взглядом вспыхнул образ: человек в плаще, стоящий на пепле. Ни лица, ни голоса. Только шаг, как дыхание земли. Она не знала, видела ли это на самом деле, или просто придумала, чтобы верить.

– Может, и добрый, – сказала она. – Но даже доброе иногда убивает.

Ребёнок уткнулся в её плечо, шепнул:

– Я не боюсь.

Она улыбнулась сквозь слёзы.

– И не надо. Боятся только живые.

Снаружи снова прошёл гул. Башня послала луч света, прочёсывая руины. В его отсвете мелькнула фигура. Женщина не заметила – ребёнок заметил. Он тихо выдохнул:

– Он здесь.

Фигура стояла неподвижно, на границе света и тьмы. Плащ колыхался от ветра, но тело не двигалось. Он смотрел на них – или сквозь них. И вдруг свет башни дрогнул. Линия прожектора, будто натянутая струна, лопнула. Луч рассыпался, как стекло. На небе зажглись короткие вспышки – дроны потеряли сигнал. Город снова погрузился во мрак.

Женщина почувствовала, как воздух стал плотнее. Звук ушёл. Только сердца били. Она шептала:

– Не подходи... ради них.

Фигура сделала шаг. Один. Потом другой. И остановилась у входа. Ребёнок встал. Не испуганный, просто любопытный. Он подошёл к двери. Женщина хотела крикнуть, но голос застрял. Он открыл дверь.

Снаружи – ничего. Только дождь и запах железа. Но у порога лежал мешок. Внутри – еда. И маленькая металлическая пластина, с выгравированными словами:

«Не ищи свет. Он ослепляет.»

Женщина подняла пластину, сжала в руке. Потом вышла наружу, подняла глаза. Вдалеке, между горами, медленно таял силуэт.

Она долго стояла под дождём, пока тело не стало ледяным.

– Спасибо, – прошептала она.

И в этот момент эфир ожил снова. Голос Синода вернулся, но теперь в нём была трещина. Словно кто-то шептал внутри него, меняя тон, размывая ритм.

«Томни – враг...

Томни – слышит...

Не повторяйте имя...»

Голос начал дрожать. Сигнал рассыпался. Изнутри тишины прорезался другой звук – не человеческий, не механический. Просто дыхание. Как будто сама земля вздохнула.

Это был он. Не голос, не послание. Просто присутствие. Тишина, которая стала формой звука.

Всё вокруг замерло. Даже дождь будто остановился на полпути. Женщина стояла, глядя в небо. Башня на горизонте вспыхнула, словно кто-то пробил её изнутри. Взрыв был бесшумен. Свет разорвал тучи. На мгновение всё осветилось белым. Потом снова мрак.

Когда зрение вернулось, она поняла, что город изменился. Всё вокруг стало ровным, гладким. Ни пепла, ни мусора. Только камень, как отполированный. А на этом камне – следы. Следы босых ног, уходящих в сторону гор.

Ребёнок подошёл к ней, взял за руку.

– Мам, это он?

– Да, – сказала она. – Это он.

– А он вернётся?

Она посмотрела туда, где следы исчезали в тумане.

– Не знаю. Может, он никогда не уходил.

Они стояли долго, пока дождь снова не пошёл. Башни больше не светились. Эфир молчал. Только ветер нес по пустым улицам шёпот – короткий, непонятный, но похожий на имя. Люди в других убежищах поднимали головы, слушали, и никто не говорил ни слова. Просто чувствовали, как что-то меняется в воздухе.

В тот день Синод выпустил новое обращение. Его передавали на всех частотах, голосом, в котором слышалось напряжение:

«Система сообщает: объект ТОМНИ уничтожен.

Миф о Тени – ложь.

Порядок восстановлен.

Все каналы очистки завершены.

Граждане могут спать спокойно.

Всё под контролем.»

Но никто не поверил. Потому что в ту же ночь, когда эфир

замолчал, собаки перестали лаять. Птицы, которых не видели годами, сели на провода. И где-то вдалеке, на горизонте, вновь вспыхнул свет – не башенный, а живой, как зарево костра.

Женщина снова развела огонь у себя в хижине. Ребёнок спал. Она достала пластину, положила её рядом. Металл был тёплый, будто дышал. На его поверхности – те же слова, но теперь под ними появились новые, выжженные, не рукой:

«Ты слышишь – значит, жив.»

Она улыбнулась, впервые за много лет. Ветер прошёл сквозь стены, мягко тронул пламя. И вдруг ей показалось, что огонь шепчет. Тихо, на грани слуха.

«Не ищи свет. Он в тебе.»

Она закрыла глаза. Мир вокруг стал тише, спокойнее. Пепел под ногами был мягким, как снег.

Где-то далеко, в горах, человек шёл по пустой дороге. Его шаги не оставляли звука, только следы в мокрой земле. Над ним гремело небо, башни рушились одна за другой. Но он не оглядывался.

Его плащ прилипал к телу, лицо было скрыто. Он шёл туда, где ещё светились вспышки – к месту, где когда-то стоял город. К месту, где начнётся другое время.

Эфир больше не называл его врагом. Не осмеливался. Имя стало запретом, а значит – силой. Люди шептали его в темноте, как молитву. Одни – из страха. Другие – из надежды. Но ни те, ни другие не знали, кто он был.

Он шёл, неся тишину, как знамя. Вокруг него умирали голоса башен, затихали сигналы. Воздух становился чистым, как до всего.

В конце пути он остановился. Перед ним – развалины города, где когда-то началась его жизнь. Башни рушились, огонь поднимался к небу. Он стоял, смотрел, не чувствуя ни радости, ни скорби.

Мир гудел. В каждом звуке, в каждом эхо теперь звучало его имя, даже если никто не произносил его. Оно стало частью ветра, частью дождя, частью дыхания людей.

Он понял, что больше не существует как человек. Он стал следом. Эхо между мирами.

Он сделал последний шаг – и исчез в дыму.

Над землёй повисла тишина. И только ветер, уносящий пепел, тихо шептал:

Мир знал имя, но не знал человека.

Он шёл по пеплу, и тьма звала его своим.

Глава 7. Судьба Непрошена

2068 год. Прошло десять лет с того дня, когда Лерой, тогда восьмилетний мальчик с серыми глазами, выбрался из разрушенной Рязани, оставив позади родителей, захваченных СИНТЕЗаами. Эти годы сделали его тем, кем он стал теперь – выжившим, внимательным, закалённым и осторожным. Пустоши изменились: города под контролем Синода стали ещё более механистичными, их улицы были стерильны

и мрачны, красные огни башен связи мерцали в токсичном небе, словно следя за каждым шагом, а дроны-ловцы рыскали по руинам, выискивая тех, кто осмеливался остаться свободным.

Лерой, теперь восемнадцатилетний, стал легендой среди повстанцев. Его худощавое, жилистое тело покрыто шрамами, а серые глаза отражали смесь решимости и скрытой боли. Лоскутная броня из обносков и самодельных пластин была привычной его одеждой – он знал, что каждый клочок металла или ткани может спасти жизнь. За дерзкие вылазки против Синода, за спасение людей и разрушение их планов его прозвали Томни – "Тень из мрака", неуловимый мститель, что ставит свободу других выше своей.

Он жил в вечных бегах. Города, подконтрольные Синоду, для него были лишь временными остановками – чтобы добыть еду, оружие или информацию. Каждый шаг был рискованным, каждая ночь – борьбой с самим собой, с воспоминаниями о родителях, Роберте и Марте, чьи лица он видел во снах. Он поклялся их спасти, и эта клятва держала его в хаосе.

Сегодня Лерой стоял у границы очередного города, окружённого высокими стенами из стали и бетона. Красные огни башен связи мерцали вдалеке, а патрульные дроны гудели, сканируя пустоши. Он притаился за ржавым обломком грузовика и изучал периметр, оценивая новую систему защиты: сеть лазерных датчиков, мерцающих в темноте.

– Так, Синод не обеднеет, если я позаимствую их припасы, – пробормотал он, поправляя прибор для глушения сигналов, висящий на поясе. – Новая система? Не впервой. Разберусь.

Его голос в голове звучал уверенно, но сердце колотилось. Каждый город становился всё опаснее. Лерой замечал слабозащищённый участок ограды, где лазеры мигали реже. Достав прибор – смесь старого коммуникатора и сварочного блока – он направил его на датчики. Экран мигнул, издав тихий писк, и лазеры на мгновение погасли. Лерой проскользнул в город, его движения были быстры, как у тени.

Улицы встречали его тишиной, нарушаемой лишь далёким гулом дронов. Разрушенные здания, покрытые трещинами и граффити повстанцев – "Свобода или смерть", "Искры горят" – напоминали о борьбе, что тлеет в этом мире. Люди с пустыми глазами, подчинённые СИНТЕЗам, бродили по улицам, их шаги были механичны. Томни шел тихо, прислушиваясь к каждому звуку, ловя малейшее движение.

Он вспомнил первые дни после побега из Рязани: страх, одиночество, попытки выжить в пустошах. Те навыки, что он тогда осваивал с трудом – слежка, маскировка, обход лазеров и дронов – теперь стали его инстинктами. Он двигался почти бесшумно, словно тень, сливаясь с разрушенными стенами и обломками.

Вдруг тишину разорвал крик:

– Сюда, уроды! Приказ Синода – погружайтесь, отбросы!

Гвардейцы загоняли людей в грузовой фургон. Лерой сжал рукоять самодельного пистолета. Его пальцы дрожали не от страха, а от привычного напряжения. Совесть подталкивала его действовать: слишком много лет он наблюдал за страданиями, оставаясь в стороне.

– Стойте! Оставьте людей в покое! – раздался резкий, мелодичный голос, смешавшийся с металлом и яростью.

Лерой обернулся и увидел её: стройную девушку с длинными тёмно-рыжими волосами, собранными в тугий хвост. Её ярко-зелёные глаза горели решимостью и хладнокровием, лицо с острыми чертами и лёгким шрамом на скуле выдавало бойца, закалённого в сражениях. Она держала два пистолета, направленных на гвардейцев, а движения были точны и грациозны, словно танец. За ней стоял небольшой отряд из семи человек в лоскутной экипировке с самодельным оружием.

Лерой слышал о Искрах только по эфиру, граффити, слухам, но никогда не встречал их лично. Он заворожённо наблюдал за девушкой: её смелость, забота о бойцах, командные навыки – всё это пробуждало в нём надежду, которую он почти потерял.

– Искры! Всем отрядам Синода – открыть огонь! – крикнул командир гвардейцев, голос усилен шлемом.

Винтовки гвардейцев развернулись, град пуль обрушился на повстанцев. Их было слишком мало – на каждого Искру приходилось два или три гвардейца. Лерой сжал зубы: тихо добыть припасы и уйти теперь невозможно. Он не мог оста-

ваться в стороне. Вытаскивая дымовую гранату, он бросил её в строй врагов. Дым заполнил площадь, сея хаос, и Лерой проскользнул к повстанцам, его тёмная куртка сливалась с тенями.

Девушка мельком взглянула на него, её глаза скользнули по худощавой фигуре, растрёпанным волосам и серым глазам, в которых смешались отвага и тень давней боли. Взгляд оценивал – не враг ли он? Времени на раздумья не было.

– Держитесь, Искры! Девушка, вижу, у вас проблемы с Синодом! – крикнул Лерой.

– Да, и лишний ствол не помешает, – ответила она, уголки губ слегка приподнялись в лёгкой улыбке.

Бой возобновился. Пули свистели, Искры сражались яростно, но численное превосходство врага было очевидно. Девушка, которую Лерой мысленно называл командиром, стреляла точно, прикрывая бойцов и отдавая приказы. Лерой присоединился к бою, целясь в визоры гвардейцев. Он видел, как она заботится о каждом бойце, рискуя собой, и восхищался этим.

Подкрепление Синода вошло на площадь, броня блестела в свете башен. Из семи бойцов в живых оставалось лишь пятеро. Лерой заметил, что девушка стиснула зубы, но не сдавалась. Она отдала трудное решение:

– Искры, отступаем! – прокричала командным голосом, в котором звучала боль.

– Можно с вами? – спросил Лерой.

– Да, конечно! – бросила быстрый взгляд. – Все отступаем!

Отряд бежал через разрушенные улицы к окраине. Лерой, привыкший к одиночеству, с трудом поспевал за слаженными действиями. Он заметил, как девушка отвлеклась, отдавая приказы, и не заметила гвардейца за углом. Один из бойцов, крепкий парень с короткой бородой и шрамом через бровь, крикнул:

– Берегись, мисс!

Пули попали в его плечо и ногу. Он упал, стиснув зубы. Девушка и Лерой подбежали к нему. Его лицо бледнело, но глаза горели решимостью.

– Иван, пошли! – крикнула девушка.

– Нет, мисс, – хрипел он. – Я задержу их. Уходите.

Она замирает, её глаза наполняются болью. Лерой видит, как тяжело ей оставить товарища. Секунду кажется, что она вот-вот бросится обратно, но долг лидера сильнее. Девушка кивает, оставляя Ивану гранаты и запасной пистолет.

– Удачи, Иван, – шепчет она, и голос дрожит, хотя слова звучат твёрдо. – Все отступаем!

Отряд отходит через заросли, скрываясь в дыму. Крики

гвардейцев всё ещё слышны позади, перемежаясь со звоном металла и короткими очередями. Когда последние выстрелы замирают, остаётся только гул ветра и потрескивание далёкого огня.

Повстанцы останавливаются у заброшенного дома – одинокого силуэта среди сухих деревьев и старой яблони, чьи сгнившие плоды лежат под ветвями. Место кажется покинутым, но защищённым. Здесь можно перевести дух.

Бойцы падают на землю, усталые, покрытые пылью и гарью. Кто-то стонет от боли, кто-то молча перевязывает рану ремнём. Девушка осматривает всех, и на мгновение, когда она отворачивается, её плечи опускаются – тяжесть ответственности давит на неё сильнее, чем броня.

Лерой стоит чуть в стороне, его сердце колотится, мысли тяжелеют. Он видит лица уставших бойцов, слышит их сиплое дыхание, но перед глазами – другое: взгляд Ивана, упавшего под пулями, и рука, которой тот толкнул девушку в сторону.

Он винит себя. Если бы не его крик в тот момент, если бы не мгновение отвлечённости – Иван, возможно, не был бы ранен.

Он смотрит на заброшенный дом, на яблоню, чьи сухие ветви тянутся к небу, как руки мёртвого, и в груди поднимается знакомое чувство – клятва. Та же, что он дал десять лет

назад: никого больше не оставлять.

Он стискивает зубы.

– Я вернусь за ним, – шепчет Лерой, и прежде чем кто-то успевае́т ответить, бросае́тся в сторону города.

– Стой, парень! – кричит девушка, но он уже исчез в зарослях.

Её зелёные глаза наполняются тревогой. Она сжимает кулаки – не от гнева, а от бессилия. Этот незнакомец, который появился из ниоткуда, уже успел тронуть её чем-то – своей решимостью, тем, как без колебаний пошёл обратно в ад. И страх за него обжигает сильнее, чем ожидала.

Иван, прислонившись к полуразрушенной стене, продолжает стрелять. Патроны почти закончились, но он не сдаётся. Каждая очередь – отсрочка для тех, кто успел уйти. Его дыхание тяжёлое, губы в крови.

– Ну что, гады... идите, – хрипит он, перезаряжая последнюю обойму.

Гвардейцы окружают его полукольцом. Их командир, высокий, с маской и красным визором, выходит вперёд.

– Ещё один повстанец уничтожен, – произносит он с ледяным удовлетворением. – Прощай.

Иван закрывает глаза, готовясь встретить смерть. Но в тот

же миг – вспышка, очередь с глухим эхом. Командир кричит, хватаясь за простреленные ноги. В воздухе густо стелется дым.

Из-за стены, сквозь сизый туман, выныривает фигура – лёгкая, быстрая, как тень. Лерой. Его волосы слиплись от пота, глаза горят решимостью.

– Давай, вставай, Иван! – кричит он, выстреливая короткими очередями.

– Ты... – Иван хрипит, кровь на губах. – Уходи, парень! Оставь меня!

– Нет, – коротко отвечает Лерой, хватая его под руку. – Я тебя не брошу.

Они двигаются медленно, Иван почти волочит ногу, но каждый шаг – борьба. Лерой чувствует, как напряжены мышцы, как ноют руки, но не останавливается. В груди стучит одно: успеи.

Сзади слышны крики и лай механических дронов. Лерой бросает дымовую гранату – серая завеса закрывает их, и он тащит Ивана дальше, к реке, сквозь заросли и обломки, под гул далёких башен.

Ноги вязнут в земле, ветки бьют по лицу, но он не останавливается.

– Держись, – выдыхает он, когда впереди начинает блестеть серебро воды. – Почти дошли.

Тем временем отряд повстанцев уже добрался до устья реки. Девушка отдаёт короткие приказы: выставить караул, разбить лагерь, проверить оружие. Её голос ровный, но руки дрожат. Потеря бойцов, Ивана, и исчезновение незнакомца, который появился будто из ниоткуда, давят сильнее, чем она готова признать.

Она перевязывает рану на руке, движения точны, механичны, но в глазах пустота. Она не позволяет себе чувствовать – не сейчас.

И вдруг из тумана над рекой появляется силуэт. Сначала – один, потом второй. Она поднимает оружие, но тут слышит знакомый голос:

– Свои! Не стреляйте!

Дым рассеивается, и она видит его. Лерой. На его лице – усталость, пот и пыль, но глаза живые. На плече он несёт Ивана, почти без сознания.

Бойцы окружают их, целясь настороженно, но девушка делает шаг вперёд и кричит:

– Стойте! Это он!

Она подходит ближе, зелёные глаза расширяются от удивления.

– Ты?.. Как ты нас нашёл? – в её голосе и недоверие, и облегчение. – Иван... он жив?

– Пули прошли на вылет, – отвечает Лерой, осторожно опуская Ивана на землю. – Плечо и колено задеты, но он выкарабкается.

Девушка молчит секунду, потом кивает. На лице впервые появляется тёплое, человеческое выражение.

– Спасибо, – произносит она тихо. – Ты спас нам бойца. Лерой устало усмехается.

– Просто не люблю оставлять своих.

Они стоят напротив друг друга – грязные, вымотанные, живые. Между ними тянется короткая пауза, и в этой тишине рождается то, что нельзя назвать словами: уважение, интерес, зародыш доверия.

Далеко вдаль, за рекой, мерцают красные огни башен Синода. Но здесь, у старой яблони, среди ран и пепла, впервые за долгие годы появляется чувство, что даже в мире под властью машин и страха всё ещё может остаться место для людей.

Вода у берега тихо шуршала, смывая с земли кровь. Дро-

ны не слышались – значит, хотя бы на время можно было выдохнуть. Воздух пах гарью, металлом и дымом, но после звона выстрелов этот запах казался почти живым. Лерой, тяжело дыша, опустился на колени у воды. Он чувствовал, как дрожат руки – не от усталости, а от напряжения, которое не отпускало. Иван лежал рядом, глаза полуприкрыты, дыхание частое, но ровное. «Жив. Уже хорошо», – подумал Лерой, стирая с лица пыль и пот.

Шаги за спиной. Он поднял голову – перед ним стояла она. Девушка с длинными тёмно-рыжими волосами, собранными в хвост, и зелёными глазами, которые даже в тусклом свете костра будто отражали искры. На щеке тонкий шрам, в движениях – усталость, но ни следа слабости. Сейчас она выглядела иначе, чем в бою: без маски командира, просто человек, который не ожидал увидеть возвращающегося из ада.

– Я думала, вы оба не выбрались, – сказала она негромко, будто самой себе. Голос сорвался, но она быстро взяла себя в руки. – Ты притащил его с того света. Это безумие.

– Иногда безумие спасает, – ответил Лерой.

На миг они просто смотрели друг на друга. Она будто пыталась понять, кто он – безрассудный одиночка или тот, кому можно доверять. Он чувствовал этот взгляд и не отводил глаз. Где-то позади щёлкнули затворы, бойцы окружили их настороженно. Девушка подняла ладонь:

– Опустить оружие. Это свой.

Она опустилась рядом с Иваном, проверила пульс, потом повернулась к Лерою.

– Воды.

Он подал флягу, их пальцы коснулись. Её рука холодная, в его – пульсирует тепло. Мгновение – и она отдёрнула ладонь.

– Жив, – коротко сказала она, взглянув на Ивана. – Ты вовремя.

Она поднялась и повернулась к отряду:

– Отдыхать. Перевязать раненых. Посты – два человека, север и восток. Быстро.

Бойцы разошлись без лишних слов. Кто-то смеялся тихо, с облегчением, кто-то молча садился к огню. Лерой помог перенести Ивана ближе к стене разрушенного дома, где в щели пробивался тусклый свет. Он чувствовал взгляды на себе – настороженные, но не враждебные. Усталость сдавливала плечи, и всё же впервые за много лет рядом были люди, не враги и не тени.

Девушка подошла к нему.

– Спасибо, – сказала она просто.

– За что?

– За то, что вернулся. Не каждый решился бы.

– Я не умею бросать тех, кто рядом, – ответил он.

Она смотрела на него несколько секунд, потом кивнула.

– Я Эн, – сказала она наконец. – Командир “Искор”.

Он коротко улыбнулся.

– Лерой. Но меня зовут Томни.

– Томни... – повторила она, словно пробуя это имя на вкус. – Слыхала. Говорят, ты призрак из пустошей.

– Люди любят легенды, – ответил он. – Я просто живу.

– Мы тоже. Только у нас это называется бороться, – сказала Эн и впервые улыбнулась по-настоящему.

Пламя костра дрожало между ними, отражаясь в её глазах. Они молчали, но молчание это не было неловким – скорее спокойным, как после долгого шторма.

Ночь тянулась медленно. Повстанцы спали у костра, кто-то тихо бормотал во сне. Эн сидела неподалёку, обмотав плечи курткой, смотрела на реку. Лерой подошёл ближе, сел рядом, не говоря ни слова.

– Не можешь спать? – спросила она.

– Привык, – ответил он. – Когда слишком тихо – это настораживает.

– Мне тоже. Но иногда тишина – единственное, что напоминает, ради чего всё это.

– Ради свободы?

– Ради того, чтобы помнить, как звучит человеческий голос, – тихо сказала Эн.

Они сидели долго. Где-то вдалеке гудела башня связи, и красный отсвет на мгновение коснулся их лиц, будто напоминая, что мир всё ещё принадлежит Синоду.

На рассвете Эн разбудила отряд. Туман стелился над рекой, дроны гудели далеко на севере. Иван дышал ровно, перевязанный и укрытый плащом. Эн подошла к Лерою, который проверял свой самодельный глушитель.

– Он выкарабкается, – сказала она. – Если продержится день, пойдёт на поправку.

– Ты хороший командир, – заметил Лерой. – Они слушают тебя.

– Не командир. Просто первая, кто не сбежал, когда стало

страшно.

Он усмехнулся.

– Похоже, у нас похожие причины держаться.

Она посмотрела на него внимательно, потом коротко кивнула:

– Если решил остаться – держись рядом. Я не люблю терять людей.

– И я, – ответил он.

Они обменялись коротким взглядом – и в нём было всё: уважение, усталость, понимание, что теперь они по одну сторону войны.

Повстанцы собирали лагерь, тушили костёр, поднимали оружие. За рекой краснели башни Синода, но над ними уже поднималось солнце. И Лерой, впервые за десять лет, чувствовал не страх, а ожидание.

Он больше не был один. Рядом шла Эн – человек, чьи глаза горели тем же огнём, что и его.

Глава 8. Тени Прошлого

Утро наступило тихо, почти неощутимо. Серый рассвет расстилался над рекой, растворяя следы ночного боя. Воздух был пропитан гарью, дымом и запахом мокрой земли. Где-

то вдали, за холмами, гудели башни связи – их ровный гул отдавался в груди, напоминая о том, что Синод видит всё.

Лерой, теперь уже Томни для тех, кто остался жив после боя, проснулся раньше других. Он сидел у потухшего костра, держа в руках кусок железа – деталь, оставшуюся от старого прибора, – и машинально прокручивал её между пальцами. Ночь была долгой, тревожной. Сны не приходили, лишь обрывки воспоминаний: крики, лица родителей, отблески огня в разрушенной Рязани.

Сзади послышался тихий шаг – лёгкий, но уверенный. Эн.

– Не спишь? – её голос был хрипловат, будто после долгих приказов и бессонных ночей.

Томни обернулся. Она стояла в сером утреннем свете – в потрёпанной куртке, с растрёпанными рыжими волосами, завязанными кое-как. Без привычной холодной решимости на лице, с тенями усталости под глазами.

– Не умею, – ответил он. – Слишком тихо.

Эн кивнула, словно поняла. Она опустилась рядом, подбросила в костёр щепку. Пламя вспыхнуло, окрасив её лицо в янтарные тона.

– Придётся привыкнуть, – сказала она, не глядя на него.
– У нас часто бывает тихо перед бурей.

– А потом? – спросил он.

– Потом буря.

Они замолчали. Тишина между ними не была неловкой – просто две души, привыкшие к шуму и боли, не знали, что делать с покоем. Томни уловил лёгкое движение её руки – Эн поправила шрам на запястье, старый, глубокий. Он отметил, что у неё такие же руки, как у него – ссадины, шрамы, прожилки силы. Люди, которых ломали, но не сумели сломать.

Через несколько минут она встала.

– Подъём через пять, – сказала спокойно. – Двигаться будем быстро, пока дроны на севере. И... спасибо за Ивана.

– Не стоит, – ответил он. – Я просто сделал то, что должен.

– Вот потому ты и остался жив, – бросила она, уходя к отряду.

Когда солнце поднялось выше, Искры были уже в пути. Десяток фигур двигались сквозь серую пустошь, похожую на шрам на теле планеты. Ветер гнал пепел и ржавую пыль, обжигал кожу. Далеко на горизонте мигали красные огни – башни связи Синода. Казалось, они дышат в такт шагам повстанцев.

Томни шёл позади, поддерживая Ивана. Тот хрипел, но

держался стойко. Иногда шутил, срываясь на кашель:

– Ты, парень, из чего сделан? Как будто родился таскать раненых.

– Привычка, – коротко отвечал Томни. – Мир заставляет. Эн шла впереди. Она двигалась уверенно, но с постоянным вниманием к окружающему. Её рука то и дело ложилась на рукоять пистолета, взгляд скользил по небу. Каждый шорох, каждый отблеск света она замечала мгновенно. Томни не мог отвести от неё глаз. В ней было нечто большее, чем просто сила – внутренняя дисциплина, которую он чувствовал кожей.

В какой-то момент они остановились на привал. Повстанцы расселись под обломками старой станции. Томни помог Ивану прислониться к стене, затем подошёл к Эн, которая что-то чертила палкой на земле.

– Это маршрут? – спросил он.

– Да. Мы идём вдоль старого канала, потом сворачиваем к реке. Там будет проход к базе. Главное – не попасть под дронов.

Она подняла взгляд, встретилась с его глазами.

– Ты идёшь уверенно, – сказала она. – Раньше воевал?

– Если вызывать взрывы и спасать людей – война, то да, – усмехнулся он. – Только один.

Эн ответила лёгкой улыбкой.

– Война всегда начинается с одного.

Они обменялись коротким взглядом – и этого оказалось достаточно, чтобы между ними возникло нечто едва ощутимое. Не доверие ещё, но интерес, словно две тени, идущие параллельно, впервые пересеклись.

Внутри базы воздух был тяжёлым, пахло железом, озоном и горячим металлом. Свет ламп пробивался сквозь облака пыли, висящей под потолком, и всё вокруг казалось будто живым – шумели вентиляторы, трещали старые провода, где-то в глубине кто-то смеялся, ругался, что-то чинил. Для Томни всё это звучало как музыка, которую он не слышал десять лет. Мир, в котором ещё были люди, не машины.

Эн шла впереди, уверенно, как будто не замечая шума. Её походка была быстрой, собранной, но в каждом движении чувствовалась усталость. Томни шёл за ней, чуть сзади, держа Ивана под руку. Остальные бойцы разошлись по своим делам: кто-то к оружейной, кто-то к медблоку. Только один остался – молодой паренёк с обмотанной рукой, он молча открыл перед ними массивную металлическую дверь и почтительно кивнул Эн.

Они вошли в просторный зал, заставленный столами и картами. По стенам висели схемы городов, маршруты патрулей, фотографии разрушенных станций связи. В центре стоял человек – высокий, крепкий, в выцветшей военной форме. Его лицо было жёстким, исчерченным морщинами, будто из камня. Короткие седые волосы и глаза цвета стали. Он не выглядел старым, но от него исходило чувство возраста – того, что приходит не с годами, а с тяжестью решений.

Он обернулся.

– Эн. – Его голос звучал низко, будто скрежет металла. – Вы вернулись. С опозданием.

– Был бой, – ответила она спокойно. – Разведка дала ложные данные. Сектор оказался под контролем Синода. Потери – двое. Иван ранен, но жив.

Её взгляд на мгновение потускнел, но она не дала себе слабости.

– Остальные?

– На базе.

Он кивнул, но не смягчился. Его глаза переместились на Томни. Долгий, холодный взгляд, оценивающий, будто он видел перед собой не человека, а возможную угрозу.

– Это кто? – спросил он.

Эн ответила без колебаний:

– Томни. Он помог нам вырваться. Без него я бы не стояла здесь.

Мужчина прищурился.

– Томни... слышал. Говорят, где-то в восточных секторах бродит одиночка, тень из пустошей. Вроде бы жив, вроде бы помогает нашим. Только вот никто его не видел. – Он сделал шаг вперёд, глаза сверкнули. – До сегодняшнего дня.

Томни выдержал взгляд.

– Теперь видите.

– Вижу, – сказал мужчина. – И не верю.

Повисла пауза. В зале стало тихо, только вентилятор гудел в углу. Эн напряглась.

– Командир...

– Тихо. – Он поднял руку. – У него нет глушителя СИНТЕЗа. Я не вижу на шее ни порта, ни следа. Такого не бывает. Ни один человек не живёт без чипа.

Он сделал шаг ближе, его тень легла на Томни.

– Либо ты врёшь, либо ты – приманка Синода.

Рука Командира скользнула к поясу. Щелчок – и в его ладони оказался пистолет.

– Покажи имплант. Сейчас.

Эн шагнула вперёд.

– Подожди! – в её голосе мелькнуло напряжение. – Он не один из них. Я видела, как он рисковал ради нас, как вернулся за Иваном. Он мог уйти, но не ушёл.

– Может быть, это и был его приказ, – отрезал Командир.

– Мы слишком долго живём, чтобы верить словам.

Он повернулся к Томни.

– Последний раз. Или я стреляю.

Лерой почувствовал, как на него направлены взгляды. Ещё два бойца вошли в зал, подняв оружие. Всё внутри сжалось – не от страха, от холодной решимости. Он поднял руки, медленно, без резких движений.

– Меня не чипировали. Никогда.

– Врёшь, – процедил Командир. – Всем вживляют в младенчестве.

– Моим – не успели. Мой отец... он работал в лаборатории. Они пришли за нами, но он... – Томни выдохнул. – Он сказал: «Беги». И я побежал.

Командир молчал, потом резко нажал кнопку на браслете. Сирена взвыла, красный свет вспыхнул под потолком. В зал вбежали вооружённые Искры. Эн отшатнулась, поражённая.

– Командир, ты...

– Если он врёт, вся база под угрозой. – Его голос оставался ровным. – Мы не допустим утечки.

Томни стоял неподвижно. Внутри всё кричало, но снаружи он был каменным. Только глаза – серые, глубокие – смотрели прямо на Командира.

– Стреляй, если хочешь. Но тогда потеряешь шанс понять, как я выжил.

Эта фраза заставила Командира замереть. Несколько секунд он изучал его лицо, потом медленно опустил оружие.

– Эн, – сказал он, – веди его к Доку. Пусть проверит. Если там правда нет СИНТЕЗа, я хочу знать, как.

Он щёлкнул браслетом, сирена стихла. Люди опустили

оружие, но напряжение не спало. Томни почувствовал, как холодный пот стекает по спине. Эн кивнула и подошла ближе.

– Пошли, – сказала тихо.

Он кивнул, и они вышли из зала, оставив Командира в тишине.

Коридоры базы были узкими, освещёнными холодными лампами. Вентиляция гудела, металлические стены отражали шаги. Эн шла быстро, не оборачиваясь, и Томни чувствовал, как в ней борются злость и страх.

– Не доверяет, – сказал он.

– Он никому не доверяет, – ответила она. – Особенно тем, кто появляется из ниоткуда.

– Значит, я не первый?

– Первый, кто выжил после допроса, – коротко бросила Эн.

Он усмехнулся, хотя внутри было пусто.

– Мне везёт.

– Или нет, – ответила она, не оборачиваясь.

Они свернули в боковой проход, ведущий к лаборатории. Воздух здесь был тяжелее, пах озоном и пылью. На стенах висели провода, где-то капала вода. Томни поймал себя на мысли, что этот подземный мир живёт по своим законам – здесь каждый шаг, каждое слово имеет цену.

Дверь лаборатории открылась с тихим скрипом. Внутри – свет, запах спирта и металла. За столом стоял мужчина лет тридцати, в белом халате поверх повстанческой формы. Светлые волосы, коротко подстриженные, глаза – карие, живые, внимательные. Он повернулся, и на лице появилась улыбка.

– Эн! Наконец-то! – сказал он. – А это кто у нас?

– Томни, – ответила она. – Командир хочет, чтобы ты проверил его. Без импланта.

Улыбка учёного погасла.

– Без СИНТЕЗа? Это шутка?

– Нет, – коротко сказала Эн. – Проверь.

Док – так звали его остальные – подошёл ближе.

– Ложись, парень. Это займёт пару минут.

Томни подчинился, лёг на металлический стол. Док вклю-

чил сканер, закрепил вокруг его головы кольцо с датчиками. Машина зажужжала.

Пока шло сканирование, Эн стояла рядом, не отрывая взгляда. Её пальцы слегка дрожали, но она старалась не показывать. Томни чувствовал её тревогу почти физически.

– Если я ошиблась, – тихо сказала она, – мне этого не простят.

– А если нет? – спросил он.

– Тогда ты – чудо.

Док что-то бормотал, щёлкал клавишами. На мониторе мигали линии, графики, импульсы. Наконец он застыл, его глаза расширились.

– Невероятно, – прошептал он. – Ни следа импланта. Ни одного. Даже старого разъёма. Ничего.

Эн шагнула вперёд.

– Ты уверен?

– Абсолютно. – Док снял сканер. – Он чист. Полностью. Томни сел, потеряв шею.

– Говорил же.

– Но как? – Док смотрел на него, будто на чудо. – СИНТЕЗ ставят всем. Удалить невозможно. Это смертельно.

– Меня не ставили, – сказал Томни. – Отец успел. Он был в системе, работал на них. Что-то знал.

Эн медленно перевела взгляд с него на Дока.

– Командиру это нужно услышать.

– Он уже идёт, – ответил Док. И правда: дверь открылась, в проёме появился Командир.

Он вошёл медленно, оглядел троих.

– Ну?

Док кивнул.

– Чист.

Командир долго молчал. Потом подошёл ближе, глядя прямо в глаза Томни.

– Ты понимаешь, что это значит?

– Что я жив, – ответил тот.

– Что ты – угроза и надежда одновременно. Если Синод узнает о тебе, тебя будут преследовать. Если ты врешь – погибнем мы.

Томни не отвёл взгляда.

– Я не враг. И не посланник. Я ищу родителей. Они живы.

– Откуда знаешь?

– Потому что Синод не убивает таких, как мой отец. Они используют их.

Эти слова заставили Командира нахмуриться. Док застыл. Эн подняла взгляд.

– Ты хочешь сказать, что он был одним из них?

– Да. Но он пытался бороться. Перед тем как я сбежал, я видел... – Томни закрыл глаза, вспоминая. – Он плакал. Под СИНТЕЗом. Плакал. А потом сказал бежать. И что-то сделал с приборами. После этого я смог скрываться.

Он достал из внутреннего кармана маленькое устройство, похожее на сросшийся из обломков коммуникатор и приёмник. Потрёпанное, но работающее.

– Это – его работа. Я доработал схему. Оно обманывает сигналы вышек. Делает вид, что я – носитель СИНТЕЗа.

Док взял прибор, глаза загорелись.

– Это... невозможно.

– Но работает, – сказал Томни. – Десять лет.

Командир смотрел на устройство, потом на Томни. В его взгляде впервые мелькнуло не недоверие, а интерес.

– Если ты говоришь правду, это оружие. Информационное. С помощью этого можно скрывать целые отряды.

Док кивнул.

– Я смогу разобраться в схеме. Если получится воспроизвести – это изменит всё.

Эн тихо сказала:

– А если Синод узнает – они уничтожат нас всех.

Командир выдохнул, провёл рукой по лицу.

– Хорошо. – Он посмотрел на Томни. – Пока остаёшься. Под наблюдением. Никаких самовольных действий. Если попытаешься уйти – тебя убьют.

Томни кивнул.

– Меня устраивает.

– И ещё. – Командир сделал паузу. – С этого момента ты – Искра. Неофициально. Пока не докажешь, что достоин. Он повернулся к Эн.

– Он под твою ответственность. Если что-то пойдёт не так, отвечать будешь ты.

– Принято, – ответила она.

Командир ушёл, дверь закрылась за ним. В лаборатории повисла тишина. Док всё ещё держал прибор, словно святыню. Эн стояла неподвижно, глядя на Томни.

– Ты осознаёшь, что только что сделал? – спросила она наконец.

– Кажется, да. Теперь я в долгу у всех.

– Или все – у тебя, – сказала она, но в голосе звучала улыбка.

Они вышли из лаборатории. Коридор встретил их холодом и гулом воздуха. Томни чувствовал себя опустошённым, но странным образом – спокойным. Всё, что было скрыто, наконец стало явным. Теперь у него был шанс. И у них тоже. Эн шла рядом, не глядя на него, но шаг в шаг.

– Не думала, что ты окажешься настоящим, – сказала она
негромко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.